

АДЫГЕЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ИСТОРИКИ
АДЫГЕИ
ШТРИХИ
К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОРТРЕТУ**

**Исторические чтения
28 марта 2012 г.**

Майкоп
2012

УДК 94(470.621)(082)
ББК 63.3 (2Рос.Ады)
И 90

Издание осуществлено при финансовой поддержке
исследовательского проекта №6.768.11
по заданию Минобрнауки РФ

**В жизни ученого и писателя
главные биографические факты —
книги, важнейшие события — мысли.**
В. О. Ключевский

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

**ИСТОРИКИ АДЫГЕЙ: штрихи к коллективно-
му портрету.** Исторические чтения 28 марта 2012 г. / Ред.
Э.А. Шеуджен. Отв. за вып. Н.А. Почешхов. — Майкоп: Изд-во
АГУ, 2012. — 88 с.

Н.А. Почешхов

*доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета*

Уважаемые участники исторических чтений!

Наша встреча посвящена историкам Адыгеи, реконструкции наиболее важных событий их жизни и научной деятельности. На протяжении нескольких лет преподаватели исторического факультета работают в рамках программы поддержанной Министерством образования и науки Российской Федерации, связанной с разработкой темы «Историческая память народов Северного Кавказа в контексте развития современной российской историографии», руководителем которой является доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Эмилия Аюбовна Шеуджен. Думаю, что сегодняшняя проблематика «Чтений» полностью соответствует данному исследовательскому направлению.

Историки, которым будут посвящены сообщения, были и остаются не только знаком исторического времени, но и благодаря своим работам и личностным качествам их имена бережно сохраняются в памяти народов. К сожалению, не удалось подготовить сообщения обо всех историках, этнографах, археологах Адыгеи. Работа оказалась более масштабной, чем предполагалось вначале. Быть может, имеет смысл ее продолжить,

сделав проведение подобных тематических заседаний традицией. На современном этапе развития исторического знания очень важно осмыслить вклад предшествующих поколений, заложивших основы современной исторической науки.

Хорошо известно, что эффективная творческая работа требует определенной ауры, понимания окружающих коллег и особенно семьи. То, что сегодня в зале присутствуют родственники известных историков, имеет важное морально–нравственное значение для всех нас. Хотелось особо поблагодарить учителей истории школ республики, за их участие в проводимых исторических чтениях, именно они непосредственно формируют основы исторических представлений, способствующих воспитанию массового исторического сознания.

Мы собрались в новой современной научной библиотеке университета, которая, вне всякого сомнения, является средоточием научной мысли и символом устойчивого интереса народов к письменным памятникам прошлого. В известной степени знаковым является и то, что исторические чтения проходят в 2012 г. — в год российской истории.

Хотелось бы выразить надежду на совместную эффективную работу. Благодарю за внимание.

Разрешите предоставить слово доктору биологических наук, профессору А.В. Шахановой.

А.В. Шаханова,

*доктор биологических наук, профессор,
проректор по научной работе АГУ*

Весьма символично, что сегодня исторические чтения посвящены ушедшим от нас историкам Адыгеи. Когда думаешь об этих людях невольно охватывает чувство удивления и восхищения. Несмотря на сложные объективные и субъективные обстоятельства всей своей жизнью они смогли доказать, что творческий человек в любых обстоятельствах может оставаться свободным в интеллектуальных поисках и сомнениях.

Для нас важно понять, кто были эти люди, как возникло и развивалось их увлечение историей, насколько значимо их научное наследие, в чем долг новых поколений историков, пришедших им на смену. В своих мемуарах выдающийся английский историк А.Тойнби подчеркивал очень важную для понимания общественной роли историка мысль. Он, чтобы

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

понять изученный по книгам Греко-Римский мир пешком исходил «вдоль и поперек» современную Грецию¹. В этом смысле историкам Адыгеи повезло, они писали историю своих народов, были «внутри» исторического процесса, являлись Свидетелями и Очевидцами сложных, во многом противоречивых изменений в обществе. Вполне очевидно, что подобное положение не могло не оказывать влияния на их взгляды, исследовательскую проблематику, и, конечно, выводы.

Хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Характерной чертой научной деятельности, как и любой деятельности в духовной сфере, более того, непременным условием успеха является любовь к делу. Причем если ученому, работающему в сфере естественных наук, достаточно обладать «мудрым минимумом знаний», то гуманитарии требуется не только больший объем знаний, значительный исследовательский, но и жизненный опыт. Конечно, среди историков есть люди, по самым различным мотивам избравшие этот род деятельности, но для тех из них о ком сегодня мы будем говорить, ведущим мотивом была любовь к своему народу, стремление проникнуть в его прошлое, понять настоящее и утвердить оптимистическое отношение к будущему.

В наши дни под влиянием изменений в обществе многие негативные явления в историческом знании связываются с советской историографией. Однако наступило время более глубоко понять этот феномен развития исторического знания. Идеологизация исторического знания не столь уж редкое явление. В частности, немало зарубежных историков XX столетия обращали внимание на то обстоятельство, что даже в курсах истории, ориентированных на обучение молодежи, одни и те же исторические факты в разных странах трактуются в зависимости от национальных интересов, оказываются «в плену» у идеологии. Преодоление подобных явлений не только актуальная научная проблема, но и непростая задача, стоящая перед учителями школ. Недавно побывав в Англии, я буквально была потрясена престижу общеобразовательных учебных заведений, закладывающих основы творческого отношения к самым различным формам деятельности.

В заключении, мне бы хотелось пожелать успешного проведения исторических чтений. Бесспорно, обращение к жизненному и творческому пути историков Адыгеи, бывшими нашими коллегами, современниками, да и просто дорогими и любимыми людьми, имеет не только научное, но и нравственное значение.

¹ Тойнби А.Дж. Пережитое. Мои встречи. — М., 2003. — С. 23–25.

Шеуджен Э.А.

доктор исторических наук, профессор

Историки: время, творчество, память

Обращение к деятельности известных историков Адыгеи, посвящение этой проблеме специальных чтений, имеет важное историографическое, более того, нравственное значение. Сегодня в условиях активного переосмысления теоретических и методологических оснований исторической науки, интенсивного развития интеллектуальной истории особое значение приобретает интерес к личности историка. В поле зрения исследователей все более оказываются не только результаты профессиональной деятельности историков, но и условия их творческого становления, анализ качественных перемен в исследовательском сознании и творческой практике, как определенной личностной интеллектуальной системы, непосредственно взаимодействующей с культурно-исторической средой.

Как хорошо известно, история пишется историками, то есть определенной группой людей, прошедших специальную подготовку, взявших на себя задачу и право судить о прошедших событиях. При этом исторические сочинения создаются, как издавна надеялись их авторы, «на века», «запечатлевая без гнева и пристрастия» события отдаленного и не столь отдаленного прошлого. В свое время выдающийся немецкий философ Освальд Шпенглер, задавал на первый взгляд парадоксальный вопрос: «Для кого существует история?». И сам же на него отвечал: «Несомненно, для всякого, поскольку всякий человек со всем его бытием и бодрствованием является составной частью истории»².

В наши дни, как бы вступая с ним в диалог, Франклин Анкерсмит отмечает, что в отношении историка к прошлому

² Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т.1. — М., 2004. — С. 24–25.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

есть ключевой вопрос, не укладывающийся в интеллектуальную матрицу исторической истины и репрезентации: почему человечество вообще хочет знать о существовании прошлого, а не стремится быть похожим на описанное у Фридриха Ницше коровье стадо, тихо бредущее по лугам безвременного настоящего, «тесно привязанное в своей радости и в своем страдании к столбу мгновения»³?

В этом смысле особое значение приобретает понимание того, что нас вообще заставляет осознавать прошлое, что должно случиться или уже случилось с какой-нибудь нацией, или с каким-нибудь сообществом, чтобы их захватила проблема собственного прошлого. По большому счету нет оснований сомневаться в том, что для «молодой» северокавказской историографии моментом «истины» стали революционные события 1917 года. К этому «переломному» времени сложилась достаточно своеобразная ситуация: с античности Северо-Западный Кавказ воспринимался как часть всемирной истории, входя в ареал огромного, многоголосого «варварского» мира. В последующие века народы этого региона периодически «выходили» из тени, становились предметом интереса, а затем надолго исчезали с магистральной линии исторического развития.

Даже с момента «вхождения» региона в состав Российской империи историографическая ситуация принципиально не изменилась. С конца XIX века предпринимались попытки включить историю северокавказских народов в российскую, но эти намерения свелись лишь к отдельным сюжетам: историки традиционно писали «русскую», а не «российскую» историю, хорошо понимая концептуальную разницу подходов. В обобщающих сочинениях С.М. Соловьева, В.О. Ключевского и других выдающихся историков эти понятия четко «разводились», получая конкретную смысловую нагрузку. История России представляла как русская история, а эпизодические сюжеты истории народностей «окраин» призваны были придать ей колорит многонациональной империи.

Как правило, при этом не учитывалась ни древность, ни особенности развития народов. Их прошлое начинало приобретать «исторический характер» только с момента вхождения в состав России. Даже в начале XX века народы Северного Кавказа, имевшие многовековую историю, уже более пятидесяти лет входив-

³ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т.1. — М., 1990. — С. 161.

шие в состав Российской империи, продолжали восприниматься даже интеллектуальной элитой как полудикие «народцы южных окраин»⁴.

Советская историография с большим или меньшим успехом пыталась преодолеть эту традицию. Революционные события 1917 года в России принципиальным образом изменили ситуацию. Северокавказские народы, отличающиеся уникальным геополитическим и культурно-историческим положением, особым микромиром, со своей ментальностью, законами и обычаями, оказались в огромном пространстве развернувшегося социального эксперимента.

Но даже с большой долей условности трудно утверждать, что история адыгов, впрочем, как и многих других народов региона, стала частью советской историографии. Как это ни парадоксально выглядит, в историографии закрепились достаточно выраженное разделение на «сферы влияния» — уделом «национальных» историков стали проблемы в четко очерченных административно-политических границах отдельных республик, областей, в лучшем случае, регионов. При этом далеко не всегда учитывалось значение «местной» истории, то, что она более «укоренена» в коллективном сознании, наглядно поддерживается воспоминаниями и главное, способна «мобильно» корректировать сложившиеся представления о значимости исторического опыта отдельных народов⁵.

При этом историки, исходя из идеологических требований, стремились «подтянуть» тематику и структуру работ до уровня исследований по истории России, что неизбежно придавало «местной» историографии «подражательный» характер. В равной степени это относилось к исследованиям по политическим, социально-экономическим и, что особенно алогично, к историко-культурным процессам. Историкам, связанным с властью социальным положением, образованием, служебной карьерой, ничего другого не оставалось, как поддерживать решения «политического руководства». В таких условиях история неизбежно становилась *официальной памятью*, «одним из многих возможных способов представить прошлое»⁶.

⁴ Платонов С.Ф. Учебник русской истории. — М., 1992. — С. 338.

⁵ Подробнее см.: Шейджен Э.А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. — №4. — С. 57–60.

⁶ Хаттон П. История как искусство памяти. — СПб., 2003. — С. 70.

Тем не менее, вопреки неблагоприятной ситуации, опыт развития исторического знания в северокавказском регионе, и, в данном контексте в Адыгее, представляет одну из интересных моделей развития историографического процесса в специфических условиях отсутствия традиции историописания; становления национальной письменности; утверждения единой марксистской методологии, обусловившей жесткие идеологические «ограничители».

На положения концептуального плана не могло не оказывать влияния то обстоятельство, что в течение десятилетий историческое знание в Адыгее формировалось на нескольких исследовательских уровнях. *Во-первых*, обобщающие работы, охватывающие весь регион. *Во-вторых*, исследования, ограниченные рамками политико-административного образования (автономная область, республика). *В-третьих*, сочинения по локальным проблемам (политическим, экономическим, социальным, культурным т.п.).

В принципе в идее «членения» исторического процесса заложена значительная доля условности, при таком подходе, как правило, внимание концентрируется на элементах общественного развития, сложившихся на определенной «замкнутой» территории под влиянием конкретных условий. В то время как историческое развитие народов прогрессирует или регрессирует в результате воздействия не только внутренних, но и внешних факторов. При этом нередко именно внешние факторы играют определяющую роль, круто меняя условия жизни, характер хозяйственной деятельности, демографическую ситуацию, ментальность.

Несмотря на то, что в наши дни положение в российской исторической науке принципиально изменилось, по-прежнему, продолжает закрепляться образ «другой», «национальной», в известном смысле, «чужой» истории, изучение и сохранение которой является задачей «национальных» представителей отдельных этнических групп. При этом лишь незначительное число исследований, проводимых в северокавказском регионе, попадает «под контроль», становясь предметом научного и общественного внимания ученых «центра».

Достаточно явственно проявляется и разобщенность регионального исторического сообщества: крайне редки конференции, исследовательские проекты, конкурсы научных работ. Вполне естественно, что при таком положении принципиально значимые выводы, как и ошибочные суждения, остаются

вне научной критики, что не может не оказывать негативного влияния на историческое знание, «засоряя» его различного рода измышлениями. Хорошо известно, что только в ходе сложных «боев за историю», широких научных дискуссий, восторженного поклонения новым идеям и горьких разочарований в непогрешимости кумиров, утверждаются исследовательские традиции, «прорывные» исследовательские направления, научные школы.

Как тяжелая «наследственность», над историками довлеет сложившаяся традиция дифференциации исторического знания по политическим и идеологическим принципам («досоветская — советская», «отечественная — зарубежная»). В результате происходит концентрация исследовательского внимания не на научных результатах, а на противопоставлении и даже отчуждении значимых пластов накопленной исторической информации. Как часто бывает («нет пророков в своем отечестве»), на веру, с почти культовым преклонением принимается все написанное эмигрантами или их потомками, давно порвавшими живые связи с родиной, ее историей и культурой. Создается впечатление, что утверждения Р. Трахо или А. Намитока более достойны доверия, чем мнение историков, годами работавших с архивными документами, а нередко бывшими Участниками и Свидетелями происходивших процессов.

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что в научной литературе последних десятилетий стала утверждаться так называемая «концепция идеологизированного разоблачительства». В результате революционные события 1917 года стали представляться роковой ошибкой, прервавшей ход социального и культурного прогресса. Настойчиво утверждается, что страна была «отброшена на обочину мировой цивилизации», произошла «духовная стагнация». Конечно, далеко не все историки проявляют столь резкий теоретико-методологический «поворот» от преподавания истории КПСС к модернизму XX века. Немало ученых аргументировано выступает против вульгаризаторского подхода к изучению и оценкам процессов, происходивших в российской историографии.

Объективному научному изучению исследований советского периода мешает и «концепция одномерной апологетики». В ее основе лежат только положительные оценки всего, что произошло в стране за годы советской власти, в том числе и в области исторического знания. При таком подходе из поля внимания исключаются такие трагические явления как субъективизм, профессиональное невежество, выразившиеся в вульгаризации идеалов

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

революции, игнорировании многих разрушительных явлений, несомненно, повлиявших на развитие исторического знания.

В то же время нельзя не учитывать, что именно в условиях революционной «ломки», «отказа», но и мощного социального оптимизма этнические сообщества стали осознавать смысл и значимость *собственного исторического опыта*, угрозу бездумно прерываемой «связи времен». Обращаясь к подобным переломным периодам истории и их влиянию на историческое сознание, Ф. Анкерсмит подчеркивал, что «прошлое для них является, такой же частью их самих, как наши конечности являются частями наших тел — и забвение прошлого станет тогда чем-то вроде интеллектуальной ампутации»⁷. Преодолеть эту непростую ситуацию, избежать «забвения» удалось во многом благодаря первым «национальным» историкам Северного Кавказа, для которых репрезентация прошлого стала не только профессиональным, но и гражданским нравственным долгом.

На оценку советской историографии повлияло и то обстоятельство, что модернистски настроенными историками, так называемая повествовательная историография, в целом характерная для начального периода становления исторического знания, нередко, воспринимается как устаревшая часть историописания. При этом не замечается, что, несмотря на «историографическую революцию», многие историки воспринимают бесконечные эпистемологические споры скорее как интеллектуальный тренинг, не имеющий особого влияния на практику историописания. Более того, вообще не склонны рефлексировать по поводу того, как нужно писать историю, а создают блестящие сочинения, опираясь на классическую традицию.

Вне всякого сомнения, важнейшим смыслом современной исторической науки должно стать стремление к обобщению как позитивного, так и негативного исследовательского опыта. В этом плане, особое значение приобретает обращение к трудному опыту становления и развития «молодой» адыгской историографии в советское время. В ситуации безудержной критики всего, что было сделано на протяжении творческой жизни двух-трех поколений советских историков, просто необходимо дать объективную оценку. Именно в эти годы были заложены основы научной истории адыгов, освоены сотни фондов центральных

⁷ Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. — М., 2007. — С. 14.

и местных архивов, выявлен и введен в научный оборот огромный документальный материал.

В последние два десятилетия буквально на глазах меняются теоретические подходы, предметные границы исторических исследований, методология, вводимые в научный оборот источники, ценностные позиции, социальная значимость истории и, в конце концов, сами историки. Хорошо известно, что подобные глубинные процессы всегда приводят к кардинальному пересмотру научных концепций, существующих оценок исторического прошлого.

Формировавшееся «новое» историческое знание, зачастую, в корне «подрывающее» предшествующие наработки, казалось бы, незыблемые выводы не могло не породить сомнений в «пользе и назначении истории». Положение еще более осложнялось динамичностью развития российского общества, процессами его социального, политического, ментального структурирования. Демократизация общественной жизни, бесспорно, стала стимулом для развития исторического знания, но, в то же время, масштабы настоящей эпидемии приобрела фальсификация, отнюдь, не научное «конструирование» исторического прошлого.

В последние годы ситуация заметно стабилизировалась: современное состояние российской исторической науки демонстрирует степень зрелости историографической мысли, стремление выйти на новый уровень познания исторического прошлого, настоящего и будущего. Тем не менее, и в новом, XXI веке, в большей степени вопросы, а не ответы продолжают определять историографическую ситуацию. Прежде всего, важно понять, что для каждой эпохи характерны свои способы «написания» истории. Более того, большинство историков воспринимают их как наиболее рациональные, позволяющие с меньшими потерями и большей объективностью реконструировать историческое прошлое.

В наибольшей степени это положение может быть отнесено к многофакторному пространству истории советского общества. Об этом нельзя забывать, учитывая, что многим историкам этого периода выпала непростая судьба исследовать сложнейший, многомерный, многофакторный, во многом противоречивый процесс рождения нового общества. Более того, как непросто, если не сказать невозможно, было в то время избежать упрощения, вульгаризации, пропагандистской апологетики при создании исторических работ.

Конечно, в принципе историк стремится утвердить идеальный образ прошлого, без легенд, сомнительных историй,

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

«белых» и «черных пятен». Но даже выдающимся историкам непросто было решить эту задачу. В утешение они могли лишь уповать на то, что несмотря на объективные и субъективные обстоятельства, им удалось создать яркие, убедительные *варианты репрезентации прошлого*. Но, к сожалению, не представляющую *единственную* версию, происходивших в прошлом событий.

Исследовательская деятельность историка заключается в разработке «здесь и сейчас» на основе документальных следов, оставленных прошлым, наиболее *правдоподобной гипотезы* о том, каким могло быть реальное прошлое. При обращении к работам, опубликованным десятилетия тому назад важно учитывать, что понимание значимости происходивших событий авторами и современными историками может кардинально отличаться. Всегда остается зона риска! Только время «проявляет» истинный смысл и последствия произошедших событий. Историографы по сравнению с авторами находятся в более выгодном положении: они знают, что *произошло потом*.

Однако, как бы кардинально не отличались методологические позиции историков, в целом в их трудах явственно проявляется стремление к созданию научной истории, утверждается осознание того, что только настойчивым трудом многих поколений историков может быть получено надежное знание о прошлом, способное позитивно влиять на общество, формируя массовое историческое сознание.

Реконструкция творческого пути историков достаточно сложная проблема. В ее основе, как правило, лежат их сочинения, целенаправленно созданный интеллектуальный продукт, содержащий информацию не только об их времени, но и о них самих. При этом весьма трудно реконструировать «образ» историка, не располагая, как минимум, сведениями о нем: основные биографические данные, уровень образования, насколько компетентен он в избранной проблеме, имеет ли опыт ее разработки; располагал ли необходимыми документальными свидетельствами, имел ли доступ к фондам библиотек, ресурсам архивов; было ли у него достаточно времени для серьезной проработки темы, существует ли временная дистанция отделяющее событие и его интерпретацию. Полученные сведения позволяют представить масштаб личности автора, цель создания произведения, логику объяснений. Более того, ответить на один из главных вопросов — можно ли доверять выводам автора, рассматривать их как результат серьезной профессиональной деятельности.

Особый смысл приобретает выяснение вопроса о соотношении индивидуальности автора и исторической реальности, в которой он жил и творил. Важно понять насколько историк был «вписан» в среду своего «обитания». При этом имеются в виду не только общая социальная и политическая ситуация, но и культурная, интеллектуальная жизнь профессионального сообщества, к которому, как правило, принадлежат историки разных поколений, способностей и убеждений.

Несмотря на интеллектуальные «прорывы» и «прозрения» до настоящего времени радикально отличаются представления о том, как пишется, из чего должно состоять историческое сочинение, к какому идеалу следует стремиться. Уже несколько столетий на эти, казалось бы, простые вопросы, пытаются ответить историки и философы различных научных школ и направлений. Несмотря на предпринимаемые усилия, до настоящего времени так и не удалось выработать параметры, критерии оценки исторического сочинения. Быть может, именно в этом главный успех развития историографии: отсутствие общепринятого эталона заставляет историков думать, искать и надеяться.

При всех нюансах написание исторического сочинения связано с напряженной умственной работой по интеллектуальному осмыслению самых различных источников, позволяющих создать и закрепить в исторической памяти «образ» прошлого. Анализируя историческое знание советского времени, исследователи, как правило, ссылаются на ограниченность документальных источников, закрытость многих архивных фондов и специфичность доступа к ним, забывая о том, что в новейшее время не только историки нашей страны остро ощутили «фактическую нагруженность» исторической репрезентации и памяти, все явственней, почти физически, ощущая «груз» напластований источников, утрачивая надежду овладеть не только совокупностью сохранившихся документов, а хотя бы их частью, необходимой для разработки конкретных проблем.

Обращаясь к этому вопросу, известный французский историк Роббер Фоссье писал, что «чистым кокетством эрудитов» становится скорбь о безвозвратно утраченных исторических артефактах, учитывая, что предметом обращения остается не более четверти текстов, хранящихся в наших архивах⁸. Исходя из этого посыла важно отметить, что одним из определяющих направлений деятельности ушедших от нас историков, являлась

⁸ Фоссье Р. Люди средневековья. — СПб., 2010. — С. 288.

источниковедческая составляющая, направленная на выявление огромного количества различных свидетельств, позволяющих реконструировать образ прошлого, контуры которого по мере того, как банк информации пополнялся большим числом фактических данных, именно благодаря их усилиям, приобретали все более ясные очертания.

Казалось бы, ясно, что историческая репрезентация включает все имеющиеся в распоряжении историка свидетельства, сохранившие память о прошлом. Но при этом нельзя не учитывать, что многие события прошлого по-разному интерпретируются в разной политической и культурной среде. Сами по себе факты редко подвергаются сомнению: сомнения в их истинности появляются на уровне исторической интерпретации. «Исторические факты подобны воздуху, которым мы дышим: они одинаковы для всех нас и доступны всем нам как историкам»⁹.

При этом нельзя не учитывать, что история была и в значительной степени остается «чужой страной», где положение исследователя во многом напоминает пребывание на чужбине¹⁰. Она по-прежнему притягивает исследователей своей завораживающей силой, надеждой, пусть даже эфемерной, проникнуть не только в прошлое, но и облегчить переход человечеству к приемлемому будущему.

В контексте темы данного сообщения имеет смысл подчеркнуть, что сложившиеся в современной историографии представления о «местах памяти» позволяют ввести в эту дефиницию историков, имена и труды которых закрепились в исторической памяти народов, став *символами исторического времени*. Историки не только оставили будущим поколениям удивительные по полноте и образности картины прошлого, но и были «людьми в истории», существами «из плоти и костей»¹¹.

По мере развития истории менялись образы людей пишущих историю, но, как правило, историки — люди своего времени. В принципе важно понять, насколько личность историка проявляла себя в реальном историческом времени под воздействием предмета своей профессиональной деятельности. Вне всякого сомнения, закреплению в памяти имен историков способствовали

⁹ Анкерсмит Ф. Указ. соч. — С. 89, 98.

¹⁰ Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб., 2004.

¹¹ Блок М. Апология истории или Ремесло историка. — М., 1986. — С.83.

их идеи, получившие признание или знаковый смысл, став своего рода рубежами в развитии историографии, личностными факторами развития науки.

Исходя из этого подхода, особое значение приобретают воспоминания М.Г. Аутлева¹², повествующие о событиях в которых автор принимал непосредственное участие или известные ему от очевидцев. В них на первый план выступают личностные оценки, нередко соединяющие важные, значимые события с «мелочами» повседневной жизни. Такой своеобразный симбиоз, причудливое сочетание стремления проникнуть в глубины исторического познания и человеческого бытия, дает возможность более обстоятельно определить место и позиции автора в реальном историческом времени.

В последнее столетие из жизни ушли многие интересные историки, не оставившие записей личного характера. Открывая мир этих неординарных личностей, умеющих преодолевать, более того, подчинять себе сложные жизненные обстоятельства, невольно испытываешь сожаление об утрате этого невосполнимого пласта источников. Благодаря их воспоминаниям было бы возможно расширить сложившиеся представления о влиянии на творческую активность и психологическое состояние, «разрывов» научных традиций, интеллектуальной изоляции, идеологического прессинга, репрессий и тому подобных явлений. К великому сожалению, по-прежнему недостаточно изучено прошлое исторической науки в лицах, поступках, переживаниях, в то время как именно воспоминания способны дать представление о латентных отношениях в профессиональных сообществах историков¹³.

В наши дни все более явственно осознается необходимость научной трактовки противоречивой, специфической сущности исторического прошлого, повышения уровня эмпирической интерпретации сохранившихся в памяти свидетельств. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе добрую память. Именно поэтому все большую значимость приобретает интерес к историкам и их сочинениям, являющимся информационным ресурсом современной цивилизации, культурными символами,

¹² Аутлев М.Г. Биография моего современника. — Майкоп, 2000.

¹³ Шеуджен Э.А. Воспоминания историка или «история историка»? // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. — Майкоп, 2008. — С. 15–16.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

необходимой основой взаимопонимания новых поколений исследователей прошлого народов.

За многие века развития историческая наука пережила глубокую внутреннюю трансформацию: сменялись поколения историков, видоизменялись предмет и способы исторического познания, определялось отношение к документальным свидетельствам, утверждалось понимание значимости памяти о прошлом. С особым упорством, преодолевая сомнения и ошибки, историки пытались постичь тайны прошлого, специфику истории как науки, все более четко осознавая, что историческое прошлое совершенно особый, уникальный, неповторимый, постоянно переходящий из одного состояния в другое мир, исчезающий и вновь возникающий из глубин веков.

СООБЩЕНИЯ

Кудаева С.Г.

доктор исторических наук, профессор

Малич Гайсович Аутлев

Мне выпала огромная честь представить не только известного ученого, но и замечательного человека, который пользовался огромным уважением среди друзей, коллег и родственников. Малич Гайсович Аутлев был официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации. Но тогда я даже не предполагала, до какой степени это уникальный человек — уникальный именно в позитивном смысле. Позже, когда мне довелось ближе познакомиться с его жизненным и творческим путем, я испытала глубокое сожаление, что недостаточно общалась с этим очень эрудированным и доброжелательным человеком.

Когда читаешь воспоминания о нем его друзей и коллег, понимаешь, что это был человек неисчерпаемой доброты, мудрости, ума. Самая большая сложность, с которой я столкнулась при подготовке этого сообщения то, что о М. Г. Аутлеве трудно говорить кратко. Он — Человек эпохи: родился в 1917 г. и умер в 2001 г. Каждая веха его жизни так значительна, что не хочется ничего упустить, поэтому я постараюсь остановиться на самых значимых событиях.

М.Г. Аутлев родился в Карачаево-Черкесии, но рано потеряв отца, воспитывался в семье матери Гошевной Аутлевой, проживавшей в ауле Хакуринохабль, где и начал свое образование. Его дяди по матери, Мос и Газалий, очень много внимания уделяли его воспитанию и образованию. В раннем возрасте он обучился чтению не только на адыгейском и русском языках, но и на арабском, знал наизусть отдельные аяты Корана. Эти знания ему очень пригодились. Вечерами маленький Малич мог читать соседям газету «Адыгэ Макъ» выходившую с 1918 г. по 1927 г. на адыгском языке, базировавшемся на арабской графике.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

Мальчик проявлял необыкновенные литературные способности: уже в раннем детстве писал рассказы. Дядя Мос понимая, что Маличу необходимы глубокие знания русского языка, решил отправить племянника на учебу в соседнюю казачью станицу Темиргоевскую. Так он попал в семью потомственного казака Лукьяна Осиповича Ларионова, с которым дяди поддерживали дружеские отношения. В то время это был не единичный случай, когда адыгские дети обучались в русских школах, проживая в казачьих семьях.

Впоследствии он писал, что «пребывание в станице Темиргоевской сыграло решающую роль в дальнейшей моей судьбе... Одно из самых главных богатств, что дала мне эта семья — уважительное отношение к русскому народу, его языку и культуре, верность и служение народу...». Эти чувства М.Г. Аутлев пронес через всю жизнь. Подтверждением этому служит одна из последних его работ «Адыги и русские: дорогами второго тысячелетия». Эту работу можно воспринимать как завещание будущим поколениям. На богатом историческом материале он стремится проследить истоки и особенности взаимоотношений русских и адыгов.

М.Г. Аутлев прекрасно владел русским языком. В своих воспоминаниях доктор исторических наук, профессор Н.А. Чугунцова пишет: «Мы часто удивлялись, откуда у этого адыга такое прекрасное знание русского языка, именно русской грамматики и, в целом, русской литературы, превосходный слог и стиль. Это остается загадкой и донныне. Несомненно одно — это результат многолетней работы над собой».

Свою педагогическую деятельность М.Г. Аутлев начал еще будучи студентом Краснодарского государственного педагогического института. По просьбе декана факультета работал учителем в вечерней школе консервного комбината х. Яблоновского. В 1938 г. он получил диплом учителя физики и математики и был направлен в Адыгейский областной отдел народного образования. Но его трудовая деятельность была прервана: в 1939 г. он был призван в ряды Советской Армии и отдал службе в Вооруженных силах СССР 13 лет своей жизни, пройдя путь от рядового красноармейца до подполковника; активно участвовал в Великой Отечественной войне.

Научная деятельность М.Г. Аутлева началась в адъюнктуре Военно-политической академии им. Ленина на кафедре истории. Его кандидатская диссертация посвящена Сталинградской битве. Он работал с закрытыми фондами библиотек, а также

в Центральном архиве Министерства обороны СССР. Богатейший материал ему удалось выявить в архивах Сталинградского комитета обороны, Сталинградского областного комитета партии, в музее обороны Царицына-Сталинграда. Уникальность диссертационного исследования М.Г. Аутлева в том, что не ограничиваясь архивными данными автор побывал на местах сражений, Мамаевом Кургане, собрал богатейший полевой материал беседуя с командирами, политработниками и солдатами, участниками Сталинградского сражения.

В активную научную жизнь М.Г. Аутлев включился, начав работу в Адыгейском научно-исследовательском институте языка и истории. Позже, в своих воспоминаниях он отмечал, что перед коллективом института стояла труднейшая задача — создать настоящее научное учреждение. Будучи директором института он активно содействовал продвижению научных разработок по вопросам языкознания, литературы и истории, а также расширению связей института с другими научными учреждениями Северного Кавказа, а также Москвы и Ленинграда. Благодаря его усилиям в 1957 г. в Адыгее была проведена первая научная конференция, в которой принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Краснодара, Сухуми, Черкесска. Проведение конференций с этого времени становится традицией.

За годы работы в институте М.Г. Аутлев внес большой вклад в развитие региональной исторической науки. Он активно участвовал в подготовке и издании очерков «Истории Адыгеи». Это было первое крупное научное издание по истории адыгского народа. Провел большую работу по восстановлению малоизвестных трудов об адыгах. В частности, работы известного историка-кавказоведа М.В. Покровского «Русско-адыгские торговые связи». Вместе с профессором М.О.Косвенюком ряд лет занимался поиском текста «Записок о Черкесии», написанных Султаном Хан-Гиреем в начале 30-х гг. XIX в. по заданию Николая I и содержащих богатейший материал по истории и этнографии адыгов. В результате рукопись была обнаружена в фондах Центрального военно-исторического архива.

При его непосредственном участии был подготовлен к публикации сборник документов и материалов по истории Адыгеи и русско-адыгских отношениям в XIX в. М.Г. Аутлев оказал существенную помощь по сбору, систематизации и подготовке семитомного издания по Нартскому эпосу. Под его руководством был составлен и издан словарь русско-адыгейского языка

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

на 20 000 слов. По инициативе М.Г. Аутлева стали издаваться «Труды» института. Он был одним из авторов тома «Народы Кавказа», вошедшего в многотомное издание «Народы Мира». Именно он предложил план-проспект восьмитомного издания по истории, этнографии и культуре адыгов и написал III том «Черкесия в экспансионистской политике великих держав в XIX в. Кавказская война и национальная катастрофа адыгов (1800-1864 гг.)». К сожалению, этот проект реализовать не удалось.

В последние годы жизни, работая в Краснодарском политехническом институте (ныне Краснодарский государственный технологический университет), М.Г. Аутлев активно занимался проблемами национальной политики, много внимания уделял изучению форм автономий горских народов. Его докторская диссертация была посвящена вопросам межнациональных отношений на Северном Кавказе.

В последние годы научные интересы М.Г. Аутлева были сосредоточены на актуальных проблемах адыгской истории и Кавказской войны. Как ученый-историк он был убежденным интернационалистом и всегда выступал против этноцентризма и шовинизма. В тоже время он знал цену и гордился своей национальной культурой. В статье об адыгской этике он писал: «...воспитанный не на своем национальном становится получеловеком. Здоровая человеческая мораль требует знать свое родное, а потом уже брать у других то, что согласуется с твоим народным, что не противоречит ему... От этноцентризма оберегает норма, которая говорит: «Адыгагъ» превыше всего, но только для меня».

Свое отношение к науке он весьма четко сформулировал в работе «Слово о правде истории»: «Если спросят меня, что я считаю самой сильной и вечно живой чертой исторической науки, то я отвечу однозначно: Правда! Это же относится и к народу, к выразителям его интересов, но за многие годы господства идеологии культа и культиков, что расцвели в последнее время особенно буйным цветом, мы научились камуфлировать неправду и выдавать ее за истину в последней инстанции.... Для объективной оценки исторического прошлого, по крайней мере, требуются три вещи: а) глубокое знание истории народа — объекта изучения; б) строго научный подход к анализу и оценке исторических событий, на основе изучения которых делаются выводы; в) а в наши дни требуется еще умение порвать с ошибочной методологией прошлого

и настоящего времени, с великодержавностью и ее агрессивной сущностью». В своей научной деятельности М.Г. Аутлев всегда следовал этим принципам.

Его последняя работа «Биография моего современника» стала знаковой и была высоко оценена научной общественностью. Доктор исторических наук, профессор, директор института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской Академии А.И. Османов писал, что «в книге речь идет не только о биографии автора, но и жизни целого поколения, жизни трудной и насыщенной, героической и трагической. Словом, перед нами разворачивается сложная и многогранная картина целой эпохи...».

Профессор М.Г. Аутлев имеет более 100 научных публикаций общим объемом 250 п.л. Он внес весомый вклад в изучение истории социально-экономического, общественно-политического развития Северного Кавказа. Его исследовательская и общественно-политическая деятельность получила признание в широких кругах общественности не только в Адыгее и Кубани, но за их пределами.

Этим не заканчиваются заслуги М.Г. Аутлева как ученого и как человека. Когда читаешь воспоминания людей знавших его, невольно задумываешься о том, насколько важно каждому из нас оставить добрую память. Не могу не привести хотя бы некоторые фрагменты из воспоминаний друзей и коллег. Пожалуй, это и есть самые правдивые и дорогие слова, подтверждающие, что общение с М.Г. Аутлевым оставило неизгладимое впечатление.

Один из его друзей, поэт Р. Махош: «Ушел из жизни большой души Человек, огромный эрудит, кладезь энциклопедических знаний, неутомимый труженик, патриот своей малой родины Адыгеи и огромной России, интернационалист старой закалки... Это был человек, который самозабвенно и целеустремленно работал каждую минуту, каждый час, отведенный ему жизнью на благо своего многострадального адыгского народа, на благо укрепления дружбы и взаимопонимания между адыгами, казаками и другими народами. Он, как никто другой, твердо понимал, что альтернативы в дружбе между народами нет...».

Другой его друг Р.Х. Хатхе пишет: «Есть люди, чья жизнь не укладывается между двумя датами — днем рождения и днем смерти. Рождение их также незаметно, как и рождение тысяч других, но их яркая жизнь не обрывается датой их физиче-

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

ской смерти. Их дела, их благородный образ остаются в памяти народа...». К таким людям относится верный сын Адыгеи М.Г. Аутлев.

Основные научные труды:

1. Аутлев М.Г., и др. Адыги: Историко-этнографический очерк. — Майкоп: Адыг. отд. кн. изд., 1957. — 139 с.
2. Аутлев М.Г., и др. Культура и быт колхозного крестьянства Адыгеи. М-Л.: Наука, 1964. — 220 с.
3. Аутлев М.Г. Адыгея до и после Октября // Октябрем озаренная. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1967. — С. 27-104.
4. Аутлев М.Г. Шахан — Гирей Хакурате. — Краснодар — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1969. — 118 с.
5. Аутлев М.Г. Слово о правде истории: (Трагедия адыгов в XIX веке). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1993. — 56 с.
6. Аутлев М.Г. Биография моего современника. — Майкоп: «Адыгея», 2000. — 695 с.
7. Аутлев М.Г. Адыги и русские: дорогами второго тысячелетия. — Краснодар: Периодика Кубани, 2000. — 182 с.

Ловпаче Н.Г.

кандидат исторических наук, доцент

Пшимаф Улагаевич Аутлев

Как писал русский поэт С. Есенин: «Лицом к лицу лица не увидать; большое видится на расстоянии». Когда каждодневно работаешь рядом со своим коллегой, творя одно профессиональное дело, то не замечаешь его величия, оригинальности и многих других превосходных качеств, но по прошествию времени его образ становится все более многогранным и значимым.

Пшимаф Улагаевич Аутлев (1927-1991 гг.) — сын знаменитого пщинао Адыгеи Олягея (Улагая) Касполетовича Аутлева, родился в ауле Хакуринохабль. Основные вехи биографии первого в Советском Союзе адыга-археолога изложены в конце книги «Вопросы археологии Адыгеи» (1992 г.) П.А. Дитлером в некрологе, посвященном его памяти. В 1943 г. П.У. Аутлев поступил на подготовительные курсы, а затем в Майкопский учительский институт, а в 1946 г. его окончил. После этого он поступает на исторический факультет Краснодарского пединститута, но в 1947 г. переводится на такой же факультет пединститута

в Ростове-на-Дону. С 1948 г. после окончания института П.У. Аутлев работал в системе народного образования Адыгеи: сначала учителем истории средней школы аула Мамхег, затем — директором Уляпской средней школы, впоследствии — инспектором школ областного отдела народного образования.

Чувствуя в себе потенциальные возможности и сознавая необходимость профессионального роста как историка, он в 1957 г. поступает в аспирантуру Института истории Грузинской академии наук. К тому времени он уже установил наблюдение и начал собирать коллекцию кремневых орудий Абадзехского палеолитического местонахождения. Поэтому его руководителем стал известный «палеолитчик» Грузии А. Каландадзе. После окончания аспирантуры П. Аутлев поступил на работу в Адыгейский научно-исследовательский институт научным сотрудником в сектор истории. В последующие годы руководил этим сектором, а последние два года жизни возглавлял отдел археологии.

В 1961 г. П.У. Аутлев защитил кандидатскую диссертацию по палеолиту Северо-Западного Кавказа, в основу которой положен материал Абадзехской стоянки на р. Фьонт. В 1963 г. была опубликована его монография «Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка»¹⁴, таким образом, адыгский археолог определил свое амплуа в пределах древнейшей эпохи жизни человеческого общества. За тридцать пять лет археологической деятельности ему посчастливилось открыть не менее 85 новых памятников древнекаменного века на территории Западной Черкесии.

В отличие от своих коллег из Ленинграда, Москвы и зарубежья, он делал упор не на долговременные стационарные раскопки одного памятника, а на мобильные разведки многих. Разведочный шурф, траншея или раскоп, выполненные П.У. Аутлевым, и последующая тщательная обработка материала давали ему возможность составить ясную картину (стратиграфическую, литологическую, палеонтологическую, палинологическую, индустриальную и природно-историческую) жизни общины охотников и собирателей на каждом конкретном объекте.

Большой охват территории и внушительное количество памятников позволили ему представить демографическую ситуацию древнего Северного Кавказа, реконструировать динамику заселения, расселения и переселения палеонтропа из южных областей через перевалы Большого Кавказа и далее на север.

¹⁴ Аутлев П.У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. — Майкоп, 1963.

В данном случае речь идет о своеобразии индивидуальной методики полевых палеолитическо-археологических исследований, выработанных адыгским археологом.

Кроме указанного числа первооткрытых памятников, П.У. Аутлевым сделано несколько сенсационных открытий, важность которых была осмыслена не сразу, а понята позже с появлением соответствующих исследователей и руководителей науки, способных оценить ее. Так, в пещере Сатанай им найдено и исследовано первое на Северном Кавказе позднепалеолитическое погребение кроманьонца, костяк которого был окрашен красной охрой, что свидетельствует о первом проявлении этого огнепоклоннического обычая в похоронном обряде кавказцев.

В Баракаевской пещере П.У. Аутлевым найдена челюсть неандертальца мустьерского человека. Это тоже первая находка в палеолите Северного Кавказа. В гравийном карьере х. Пролетарского под Майкопом он обнаружил древнейшее пиктографическое письмо на Кавказе, и высказал предположение о генетической родственности его письму на Майкопской плите. Им был открыт единственный на Кавказе, хотя и скромный, памятник палеолитической живописи в виде двух отпечатков кистей рук красной охрой на стене Гупсского навеса. Разведана пока единственная на Северном Кавказе стационарная стоянка открытого типа раннепалеолитического времени на Среднем Хаджохе.

Благодаря стараниям адыгского палеолитчика в Мостовском районе Краснодарского края, т.е. на восточном фланге Западной Черкесии открыта целая палеолитическая группа из более десятка мустьерских и верхнепалеолитических навесов, гротов и пещер. На базе этого куста долины р. Гупс в археологической науке оформилась гупсская археологическая культура.

Надо отметить очень важную особенность научной деятельности адыгского археолога. В отличие от палеолитчиков центральных учреждений метрополии, которые лопатой сметали голоценовый слой, чтобы затем скальпелем, ножом и кисточкой расчищали плейстоцен, т.е. палеолит, он с одинаковой заботливостью и аккуратностью изучал все, что предшествовало палеолиту. Мне довелось быть свидетелем того, как в Баракаевской пещере студенты ленинградского университета быстро смахнули т.н. пыльный слой, в котором был стратиграфически распределен керамический материал от неолита до позднего средневековья. П.У. Аутлев постеснялся сделать замечание их руководителю именитому коллеге, но между нами посетовал. Впоследствии мне пришлось заново распределять выброшенную керамику

по эпохам, чтобы включить в книгу «Неандертальцы Гупского ущелья».

П.У. Аутлев хорошо знал и всегда помнил о том, что в горах, где в основном изучались памятники каменного века, во все последующие эпохи проживали предки адыгов. Поэтому среди публикаций П.У. Атлева имеются статьи о средневековых поселениях и погребениях, о поселениях и захоронениях бронзового века, о мезолитических гальках, на которых, по всей видимости, в раннем железном веке древние жители окрестностей Майкопа оставили надписи линейного стиля.

Большое значение в научной деятельности П.У. Аутлева имела его тесная связь на уровне научного сотрудничества и дружбы с ленинградским отделением Института археологии. Ежегодно Кавказская палеолитическая экспедиция этого института под руководством доктора исторических наук, самого именитого палеолитоледа СССР В.П. Любина приезжала в Майкоп, чтобы соединить свои силы с экспедицией Адыгейского научно-исследовательского института под руководством П.У. Аутлева. В составе ленинградской экспедиции работали известные специалисты: палеонтолог Г.Ф. Барышников, карстовед Н.А. Гвоздецкий, московский геолог С.А. Несмеянов, палинолог Г.М. Левковская, антропологи А.А. Зубов, Г.П. Романова, В.М. Харитонов; также почвоведы, художники, трассологи и пр.¹⁵. Сотрудничество с ленинградцами имело и то преимущество, что их экспедиции намного лучше обеспечивались в техническом и бытовом плане (транспортом, экспедиционным снаряжением, научным оборудованием и продовольствием).

Открытые и разведанные П.У. Аутлевым памятники палеолита, благодаря проведенным анализам и совместным археологическим исследованиям давали богатую, разностороннюю информацию о жизни древнейших северокавказцев. Благодаря научным открытиям П.У. Аутлева район Северо-Западного Кавказа стал передовым в изучении (древне) каменного века не только на Кавказе. Не случайно, именно П.У. Аутлеву доверили раздел по палеолиту в первом томе «Истории народов Северного Кавказа»¹⁶, как главному «штаучологу» (кремнелогу) на северном склоне Большого Кавказа.

¹⁵ Аутлев П.У. Неандертальцы Гупского ущелья. — Майкоп, 1994. — С. 69 – 75, 37 – 47, 22 – 36, 77 – 82, 83 – 98.

¹⁶ Аутлев П.У. История народов Северного Кавказа (с древнейших времен по XVIII в.). Т.1. Гл. 13, 14. — М., 1988. — С. 27 – 34.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

Известность нашего земляка-археолога древнейшей эпохи вышла далеко за пределы нашей страны. Так, в 1970 г. П.У. Аутлев принял участие в Международном конгрессе историков в Москве, а в 1982 г. прочитал доклад на XI конгрессе Международного союза по изучению четвертичного периода. Доклад опубликован на русском и английском языках. Публикация на английском, как известно, гарантирует мировую известность.

Если попытаться определить место археолога П.У. Аутлева в науке, лучше всего обратиться к материалам расширенного заседания сектора Кавказа и Средней Азии ленинградского отделения Института археологии в декабре 1992 г., специально посвященное памяти П.У. Аутлева по случаю годовщины со дня его кончины. На это заседание, которое по всем параметрам походило на научную конференцию, мы выехали всем составом отдела археологии (П.А. Дитлер, А.А. Сазонов, я и его дочь Эмма). Выступившие с сообщениями и воспоминаниями ученые, поставили нашего коллегу в один ряд с известными российскими палеолитчиками П.И. Борисковским, В.Е. Щелинским, Н.Д. Прасловым, Н.О. Бадером.

В издательской деятельности П.У. Аутлев был энциклопедичным историком. Его живо интересовали вопросы меотской культуры античной эпохи; религиозные верования древних и средневековых адыгов, действия А.В. Суворова на Кубани; герои гражданской войны и партизанского движения в годы ВОВ; история пчеловодства у адыгов; дата Бзиюкской битвы и мн. др. Об авторитете ученого в республике говорит тот факт, что газеты «Адыгейская правда» и «Социалистический Адыгей» без согласования с П.У. Аутлевым не печатали статьи не только по археологии, но и по истории. Фактически он был главным научным консультантом Адыгеи по историческим вопросам. К этому надо добавить, что он регулярно участвовал в создании учебных пособий для школ Адыгеи. Им изданы отдельными книгами «Материалы по истории Адыгеи. В помощь учителю» для 9 класса в 1974 г.¹⁷ и для 10 класса в 1975 г.¹⁸

В общем научная деятельность П.У. Аутлева представляется следующим образом: за 35 лет научной работы он провел

¹⁷ Аутлев П.У. Сборник статей для изложения в 5 – 8 классах. — Майкоп, 1967.

¹⁸ Аутлев П.У. Материалы по истории Адыгеи. В помощь учителю. 9 класс. — Майкоп, 1974; Аутлев П.У. Материалы по истории Адыгеи. В помощь учителю. 10 класс. — Майкоп, 1975.

30 полевых археологических экспедиций, открыл 85 новых палеолитических памятников, больше половины из которых ввел в научный оборот. Собрал коллекцию кремневых орудий в количестве 200 000 экземпляров. Опубликовал около 110 научных трудов, в т.ч. десятков монографий. Всего напечатал 130 печатных листов научной продукции. Причем его публикации часто помещались в центральных печатных изданиях Москвы и Ленинграда: «Археологические открытия СССР», журнал «Советская археология»; «Материалы и исследования по археологии СССР», «Краткие сообщения Института археологии», журнал «Вестник древней истории», сборник «Кавказ и Восточная Европа в древности», «Известия Кавказского научного центра». П.У. Аутлев был участником (докладчиком) всех археологических и этнографических конференций, съездов, конгрессов и Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. Его напряженная деятельность была настоящим научным подвигом!

С 1961 г. начало осуществляться издание сборников материалов по археологии Адыгеи. Лично П.У. Аутлевым было подготовлено и издано 10 сборников, которые назывались «Материалы по археологии Адыгеи», «Труды по археологии Адыгеи», «Вопросы археологии Адыгеи». После кончины П.У. Аутлева археологический отдел АРИГИ продолжает выпуск сборников под названием «Археология Адыгеи». Этот научный элемент также входит как компонент в методику археологических исследований. Как уже отмечалось, первым компонентом этой методики являются разведки археологических памятников; далее следует их тщательная обработка и, наконец, ежегодные публикации — отчеты с возможной исторической интерпретацией. Таким образом, результаты археологических исследований не залеживаются в хранилище, а регулярно становятся достоянием всех интересующихся археологией и историей.

Не менее интересен П.У. Аутлев как человек. Он не был разговорчивым и общительным, но с ним всегда было интересно и полезно. Лично мне общение с ним, кроме историко-археологической пользы, приносило языковое обогащение в плане овладения адыгским языком. Большую часть времени он занимался проработкой литературы для очередной публикации, либо подготовкой отчета (изображение кремневых орудий, вычерчивание карт и кроков, изготовление фотографий, написание текстовой части). В порядке разрядки он время от времени подвигал к себе раскрытую поблизости книгу и зачитывал абзац, сопровождая это раскатыстым смехом. Иногда это были отрыв-

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

ки из трудов М.А. Меретукова. Будучи ровесниками, друзьями детства и земляками, они очень критически относились к другу другу и к научным писаниям. П.У. Аутлев был очень требователен к себе и к другим. Беседуя по научным вопросам он не ставил себя в позу назидателя, а как бы по-товарищески делился советом или мнением. Имея материал для десяти докторских диссертаций, считал, что этого недостаточно для одной. «Надо сделать открытие», — говаривал он.

Зная мою слабость в адыгейском языке, он никогда не обрывал меня обидным замечанием, а если видел необходимость поправить, делал это очень мягко и деликатно. Однажды очень назойливо я пристал к нему из-за какой-то статистической неточности, допущенной в статье. Когда его попытка объяснить мне, что это, по сути, неважно, не привела к успеху, он сказал короткую, но емкую фразу: «Не переходи границу». Эта фраза сразу отрезвила меня.

В полевых условиях П.У. Аутлев был проще и доступнее, хотя уровня собственного достоинства никогда, ни в каких случаях не терял. Он был ЗекЮтхья (покровитель путников): неприхотлив к пище и к бытовым условиям, удовлетворялся минимальным. Когда работали в Гупсских навесах, мы спали на раскладушках прямо в раскопе. Пшимаф по утрам умывался росой с листьев лопуха (тхьяркьожа).

Он был великим специалистом по камню в прямом и в переносном смысле. Когда в 1981 г. мы с ним раскапывали Касожскую пещеру на р. Гупс, то натолкнулись на валун, накрывавший добрую часть раскопа. Сдвинуть его, казалось, не было никакой возможности, потому что взяться было не за что, да и места для людей в пещере не было. П.У. Аутлев посоветовал срубить три трехметровых слег, затем с помощью подложенных камней расставил рычаги под валун с трех сторон; на один он нажимал рукой, на другой ногой, на третий нажимал я и валун тихонько сдвинулся и через 15 минут раскоп был свободен. Вот такой был П.У. Аутлев: в его простоте удивительным образом сочетались величие и обаяние.

На заседании сектора Кавказа и Средней Азии ЛОИА, было единогласно решено в память об П.У. Аутлеве подготовить и издать монографию по Баракаевской пещере, самому результативному памятнику из открытых им и полностью исследованных. Это решение выполнено: в 1994 г. была подготовлена и издана книга «Неандертальцы Гупсского ущелья». Я с удовольствием занимался подготовкой этого издания и не только

потому, что мои таблицы по керамике голоценового слоя были в него включены и мне поручено было оформить обложку книги, но хотелось это сделать для старшего уважаемого коллеги, преждевременно покинувшего этот свет. Книга стала не только результатом его научной работы, но и лучшим памятником П.У. Аутлеву — ученому и человеку.

Справедливую оценку научного, патриотического, человеческого вклада в развитие культуры Адыгеи, Кавказа и России археолога П.У. Аутлева дал его старший коллега П.А. Дитлер. «Высокая требовательность к себе, преданность археологической науке, которой П.У. Аутлев посвятил свои зрелые годы, уверенность в достижении поставленной цели, глубокие, обширные знания, опыт, владение сложнейшей методикой раскопок палеолитических долговременных стоянок всегда были гарантом успеха. Ради поиска научной истины он никогда не щадил себя, проявляя настойчивость, безмерное терпение и выдержку, показывая личный пример трудолюбия, самоотдачи. Эти основополагающие черты личности ученого и человека всегда вызвали глубокое уважение всех, кому посчастливилось работать рядом с ним в течение ряда лет. Он всегда был самоотверженным тружеником науки. Благодаря его неустанным трудам миру стали хорошо известны навесы, гроты и пещеры знаменитого Борисовского (Гупсского) ущелья: Монашеская пещера, Губские навесы, Баракаевская и Русланова пещеры, Сатанай и др. Десяток рек, речек и речушек пройдены от истоков до устьев П.У. Аутлевым; обследованы тысячи галечных кос. Этот беспримерный, широкий и многолетний поиск завершился новыми открытиями местонахождений и стоянок палеолита, ставших известными по трудам П.У. Аутлева ученому миру, как в нашей стране, так и за рубежом (на реках Лаба, Курджипис, Фарс, Фортепьянка, Средний Хаджох и др.). Этим высказыванием считаю возможным подвести итог краткого сообщения о значении деятельности первого в адыгском мире археолога Пшимафа Улагаевича Аутлева.

Основные научные труды:

1. Аутлев П.У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1963. — 223 с.
2. Аутлев П.У. Наша область на уроках истории. Учебное пособие для школ Адыгеи. — Майкоп: Адыг. отд. кн. изд., 1985. — 223 с.
3. Аутлев П.У. Кубани гордые ратники: (Материал в помощь лектору). — Майкоп: «Знание», 1985. — 37 с.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

4. Аутлев П.У. Адыгея в летописи социализма (1917 — 1958 гг.). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1990. — 168 с.
5. Аутлев П.У. Адыгея в летописи социализма (1956 — 1987 гг.). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1988. — 311 с.
6. Аутлев П.У. Адыгея в хронике событий (с древнейших времен до 1917 г.). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1990. — 144 с.
7. Аутлев П.У. Новые материалы по религии адыгов // Религиозные верования адыгов / Сост. А.Х. Зафесов. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. — С. 410-422.

Мальцев В.Н.

кандидат исторических наук, доцент

Буб Мосович Джимов

Особое место в историографическом процессе советского периода занимали проблемы социально-экономической и политической истории адыгов XIX — начала XX вв. Становлению этого исследовательского направления во многом способствовали труды Буба Мосовича Джимова (1929 — 2001 гг.). Родился он в ауле Хатажукай. В 1948 г. окончил Адыгейское педагогическое училище, а затем, в 1950 г. историческое отделение Майкопского учительского института. В 1950 г. как молодой специалист Б.М. Джимов был направлен на работу в Пшизовскую среднюю школу Шовгеновского района, в которой он преподавал историю, конституцию СССР и географию. В 1951 г. он был избран первым секретарём Шовгеновского РК ВЛКСМ, а в 1953 г. перешёл на партийную работу: стал инструктором Адыгейского обкома партии. В 1955 г. он вновь возвращается в Шовгеновский район на должность заведующего отделом пропаганды и агитации РК КПСС.

В 1960 г. Б.М. Джимов поступил в аспирантуру грузинского института истории им. Джавахишвили в Тбилиси. После окончания аспирантуры он вернулся в Майкоп и был назначен руководителем лекторской группы Адыгейского обкома КПСС. В 1967 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Крестьянское движение в Адыгее в XIX в.». В 1968 г. Б.М. Джимов стал заведующим сектором (позже — отделом истории) Адыгейского научно-исследовательского института. Значительный вклад он внес в становление и развитие исторического факультета Адыгейского педагогического института: знания и опыт известного историка оказались неоценимыми для преподавателей и студентов.

В 1987 г. в Тбилиси Б. М. Джимов защитил докторскую диссертацию на тему «Социально-экономические отношения и классовая борьба на Западном Кавказе (1867 — 1917 гг.)».

Упорно, с увлечением Б.М. Джимов исследовал общественный строй адыгов, социальные группы адыгского общества, отношения между ними. В центре его научных интересов был сложный период пореформенного развития Адыгеи в составе Российской империи. Исторические взгляды учёного формировались в рамках марксистско-ленинской методологии, применения формационного подхода в изучении исторических процессов. Но и в этих условиях он стремился к научности и объективности исследования, опирался на источники, избегал политизированности выводов, поверхностного освещения явлений.

Именно благодаря этому Б.М. Джимов приобрел известность среди историков Северного Кавказа, а его работы стали восприниматься научным сообществом как глубокие документированные исследования. Результатом его научных изысканий стала его монография «Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.», изданная в 1986 г. Б.М. Джимовым были написаны главы: «Адыгея в период подготовки и проведения Октябрьской революции и упорочения Советской власти (март 1917 — июнь 1918 гг.) и «Адыгея в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 — 1920 гг.), вошедшие в «Очерки истории Адыгеи с Октябрьской революции по 80-е годы XX в.», изданные в Майкопе в 1988 г.

В конце 80-х гг. он вошел в число авторов, участвовавших в подготовке академического издания «История народов Северного Кавказа». В издании этого обобщающего научного труда, вышедшего в свет в 1988 г. под редакцией академиков А.Л. Нарочницкого и Б.Б. Пиотровского, принимали участие видные историки Москвы и Северного Кавказа. Б.М. Джимовым были написаны сюжеты для второй, четвёртой, десятой, одиннадцатой и двенадцатой глав, в которых освещаются исторические события XIX — начала XX вв. на Северном Кавказе.

Б.М. Джимов активно участвовал в создании обобщающих трудов по истории Адыгеи. В соавторстве с майкопским краеведом П.Ф. Коссовичем он являлся автором первой главы коллективной монографии «Под знаменем интернационализма (к 79-летию Октябрьской революции)». В соавторстве с московским историком Н.Ф. Бугаевым им была написана монография «От ревкомов к Советам на Кубани (1917 — 1920 гг.)».

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

В изданный в 1989 г. коллективный труд «Адыгея. Историко-культурный очерк» вошла написанная Б.М. Джимовым глава «Общественно-политическое развитие Адыгеи второй половины XIX — начала XX в.». В 1996 г. в «Очерках истории Кубани с древнейших времён по 1920 г.» был опубликован написанный Б.М. Джимовым параграф «Антифеодальная борьба кубанских горцев».

Его перу принадлежат главы, посвященные возникновению промышленности в Адыгее (1907 — 1920 гг.), развитию сельского хозяйства, вошедшие в коллективные монографии «История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1907 — 1991 гг.)» и «История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870 — 1990 гг.)», подготовленные к печати сотрудниками возглавляемого им отдела истории АНИИ.

Обстоятельно исследуя экономическое развитие дореформенной Адыгеи Б.М. Джимов отмечал, что в конце XVIII в. в хозяйстве адыгов земледелие и скотоводство имели примерно одинаковое значение. Он пришел к выводу, что в этот период между земледелием и скотоводством не было большого разрыва, как это происходило в Кабарде. По его мнению, на побережье Чёрного моря и в плодородных речных долинах Адыгеи уже с начала XIX в. земледелие приобретает решающее значение. При этом он обратил внимание, что в это время существенное влияние на развитие земледелия у адыгов оказывало соседство русских переселенцев¹⁹. Кроме того, возрастанию удельного веса земледелия у адыгов благоприятствовало превращение городов Екатеринодара, Армавира, Туапсе в торговые центры, где адыги сбывали излишки продуктов сельского хозяйства²⁰. В результате он сделал важный вывод, что присоединение Адыгеи к России, в которой шёл процесс капиталистического развития, втянуло хозяйство адыгов в новую экономическую систему, способствовало росту социально-экономической жизни, созданию почвы для более высоких форм общественно-производственных отношений²¹. Наряду с этим он не завышал экономический уровень развития адыгов и подчеркивал, что возникшие капиталистические отношения в Адыгее продолжали иметь подчинённое значение, справедливо считая, что «... акты о сдвигах

¹⁹ Джимов Б.М. К вопросу об экономическом развитии дореформенной Адыгеи // Ученые записки АНИИ. Т. IX. — Майкоп. 1969. — С. 226.

²⁰ Там же. — С. 228.

²¹ Там же. — С. 248–249.

и в экономической жизни Адыгеи вовсе не отвергают наличия здесь господства натурального хозяйства», а свидетельствуют «лишь о начавшемся процессе подрыва натуральной основы адыгейской экономики»²². Для него, как учёного, экономическое развитие, наблюдавшееся в Адыгее после её присоединения к России, являлось отправной точкой для дальнейших исследований.

Идеи, к которым пришёл историк, были развиты им в статье «Социально-экономическое положение кубанских горцев накануне Октябрьской революции»²³. В этой работе Б.М. Джимов предпринял, говоря его словами, «попытку восполнить существующий пробел» в изучении горцев²⁴. Анализ сложившейся историографии привёл его к выводу, что, «в большинстве работ почти ничего не сказано о социально-экономическом положении горцев Кубани»²⁵. В первом разделе статьи под названием «Влияние российской экономики на экономику кубанских горцев» он воссоздал картину промышленного и сельскохозяйственного развития края. Эту проблему он решал на широком историческом фоне, исходя из того, что «локальное изучение проблемы не даст полной картины» жизни горского населения и видел выход в том, чтобы увязать «её с теми событиями, которые происходили в стране и Кубанской области»²⁶. Для своего времени это был новаторский подход.

Одним из первых среди северокавказских историков Б.М. Джимов акцентировал внимание на системных изменениях в сельском хозяйстве горцев Кубанской области после завершения Кавказской войны, во второй половине XIX в. Он показал, что в тот период происходило «развитие горского земледелия и увеличение его товарности», что у горцев «ещё в пореформенное время сложилась» специализация хозяйств, которая «углубилась в начале XX в.», что «между земельными хозяйствами русского и горского населения области не было ... большого разрыва», а «горское население перенимало положительный опыт сельского хозяйства русских крестьян», увеличивало

²² Джимов Б.М. К вопросу об экономическом развитии дореформенной Адыгеи // Ученые записки АНИИ. Т. IX. — Майкоп. 1969. — С. 249.

²³ Джимов Б.М. Социально-экономическое положение кубанских горцев накануне Октябрьской революции // Сборник статей по истории Адыгеи. Вып. 1. — Майкоп, 1977. — С.112–178.

²⁴ Там же. — С. 113.

²⁵ Там же. — С. 112–113.

²⁶ Там же. — С. 113.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

применение «земледельческих машин»²⁷ и потребление товаров фабрично-заводского производства.

Он описал социальные последствия данных процессов для адыгейского аула, констатируя, что «развитие рыночных отношений привело к ...отрыву определённой части горцев от сельского хозяйства и специализации её на торговле», а также выделению «торговой прослойки горцев»²⁸. Один из разделов работы Б.М. Джимов назвал «К вопросу о расслоении горского крестьянства Кубанской области накануне Октябрьской революции», обозначив тем самым характер изменений в социальной структуре горского населения Кавказа в начале XX в. Поиски основ капиталистических отношений привели Б.М. Джимова к выводу о том, что в адыгейских аулах «возникновение сельской буржуазии и сельского пролетариата ... было почти таким же, как и среди хозяйств казачества и горцев»²⁹.

Анализируя изменения в сельском хозяйстве горцев в конце XIX — начале XX вв., Б.М. Джимов методологически исходил из ленинского вывода о благоприятных условиях для развития капитализма на Юге России, включая Северный Кавказ, и считал, что для исторической науки «весьма важно рассмотреть в связи с этим характер сельского хозяйства горских народов Кавказа, его место в экономике Северного Кавказа и Кубанской области...»³⁰. Статья создавалась в период, когда среди советских историков велись дискуссии о возможности развития капитализма в регионах Российской империи не только по «прусскому», но и по «американскому» пути.

Исходя из ленинского определения о наличии двух типов капитализма в сельском хозяйстве России: «прусского» (помещичье-крестьянского) и «американского» (фермерского), Б.М. Джимов высказал идею о том, что наряду с первым, «прусским» «на Кубани были и зачатки развития сельского хозяйства по американскому пути» и усматривал «наличие у горцев Кубанской области отдельных элементов аграрной эволюции американского типа...»³¹. Исходным положением в его обосновании

²⁷ Джимов Б.М. Социально-экономическое положение кубанских горцев накануне Октябрьской революции // Сборник статей по истории Адыгеи. Вып. 1. — Майкоп, 1977. — С. 130,151,152.

²⁸ Там же. — С. 152.

²⁹ Там же. — С. 168.

³⁰ Там же. — С. 128.

³¹ Там же. — С. 166.

своего понимания этого вопроса являлся тезис о том, что «отсутствие в крае глубоко укоренившихся крепостнических отношений создавало благоприятные условия для более быстрого развития капитализма среди русского и горского крестьянства»³². При этом, по мнению Б.М. Джимова, такие изменения произошли по двум причинам; «в силу особенностей исторического развития местных аборигенов и колониального характера экономического «завоевания» края царизмом» в результате чего «эта [сельскохозяйственная. — В.М.] отрасль экономики стала ведущей для подавляющего большинства русского и горского населения»³³. На основе исследованных и введённых им в научный оборот многочисленных источников «о землепользовании адыгейского народа» Б.М. Джимов сделал однозначный вывод о «поступательном развитии хозяйства горских народов»³⁴.

В поле зрения историка находились также проблемы развития фабрично-заводского производства юга России. Создание «промышленных очагов» на Северном Кавказе Б.М. Джимов объяснял наличием у царизма «военно-стратегических задач» в регионе. Из-за этого он в некоторой степени недооценил роль буржуазии в развитии индустрии на Северном Кавказе, сводя её к тому, что та, «поддерживая эту политику [царизма. — В.М.], ... вкладывала большую часть своих капиталов не в развитие промышленности Кубани, а в спекулятивно-ростовщическую сферу обращения...»³⁵.

Б.М. Джимов попытался определить характер промышленности в горском обществе, которая, считал он, «в рассматриваемое время ... не вышла за рамки первичной обработки продуктов сельского хозяйства». Как на дополнительные факторы этого процесса он указал на то, что «немаловажное значение в этом имели и традиционная привязанность горских народов к сельскому хозяйству, слабость нарождавшейся местной торговоростовщической буржуазии, отсталость и неграмотность большинства горцев»³⁶.

³² Джимов Б.М. Социально-экономическое положение кубанских горцев накануне Октябрьской революции // Сборник статей по истории Адыгеи. Вып. 1. — Майкоп, 1977. — С. 153.

³³ Там же. — С. 112.

³⁴ Там же. — С. 133.

³⁵ Там же. — С. 127.

³⁶ Там же.

Монография «Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.»³⁷, изданная в 1986 г., подвела своеобразный итог научным изысканиям историка за весь предшествующий период его исследовательской деятельности. В ней Б.М. Джимов представил своё концептуальное видение истории адыгейского народа в XIX в. В первом разделе книги он рассмотрел социально-экономическое и политическое положение адыгов в первой половине XIX в., во втором — развитие западных адыгов в пореформенный период.

Предметом изучения стали такие сюжеты (по терминологии автора), как экономическое состояние адыгов, общественные отношения в адыгских аулах, антифеодальная и антиколониальная борьба адыгских крестьян, проведение крестьянской реформы в 60 — 70-е гг. XIX в. Он обстоятельно охарактеризовал политическую обстановку на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в., подробно исследовал предпосылки и характер присоединения адыгских народов к России, отношение разных социальных слоёв и групп адыгских субэтносов к политике России, Турции и Англии. Его внимание привлекли факты становления русско-адыгских отношений в первой половине XIX в.

Он установил, что задолго до Адрианопольского договора 1829 г., юридически оформившего присоединение закубанских адыгов к Российской империи, «с Россией сближались «аристократические» племена»³⁸, в аулах Понежукай и Хажухабль были собраны съезды, на которых «обсуждался вопрос о присоединении к России»³⁹, а «одним из представителей русской ориентации Султан Селим-Гиреем в 1819 г. был составлен «Проект присоединения к Российской державе черкесского народа»⁴⁰ и представлен императору Александру I. Б.М. Джимовым был сделан вывод, что даже в сложный период отношений западных адыгов с империей, «в 1846 г. среди шапсугов развернулась борьба по вопросу, какой ориентации им придерживаться [пророссийской или протурецкой. — В.М.]», и «верх» в этом споре «взяли сторонники мира с Россией». Тогда же, констатировал Б.М. Джимов, «примеру шапсугов последовали и абадзехи, среди которых усилилось движение

³⁷ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — Майкоп, 1986.

³⁸ Там же. — С. 57.

³⁹ Там же. — С. 58.

⁴⁰ Там же. — С. 57.

в пользу присоединения к России». Этот вывод о настроениях адыгов историк подтверждал тем фактом, что «в апреле 1846 г. Шамиль прислал письмо к абадзехам, в котором он осудил закубанцев за их намерение вступить в подданство России»⁴¹.

В то же время считал Б.М. Джимов, «временный успех сторонников протурецкой ориентации [среди адыгов. — В.М.] облегчался самим царским правительством, начавшим проводить активные военные действия на Северо-Западном Кавказе», и тем обстоятельством, что со временем «в кругах Кавказского командования взяли верх сторонники крайне жёстких методов борьбы [с горцами. — В.М.]» результате чего «добрососедские отношения, существовавшие в XVIII — начале XIX вв. между адыгами и Россией были нарушены»⁴².

В середине 80-х гг. Б.М. Джимов приступил к углублённому изучению проблем, связанных с социально-политическими событиями периода Кавказской войны, происходившими на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. Эта тема не была абсолютно новой для учёного. Ещё в 1970 г. в статье «Крестьянское движение в дореформенной Адыгее (1793 — 1858 гг.)»⁴³ он высказал своё отношение к действиям представителя Шамиля на Северо-Западном Кавказе Мухаммеда Амина, считая, что последний «заняв открыто враждебную позицию по отношению к бжедугским крестьянам ... рыскал по землям абадзехов и шапсугов и преследовал тех, которые помогали бжедугским тфокотлям»⁴⁴.

Обращаясь к этой проблеме в монографии «Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.» Б.М. Джимов одним из первых среди северокавказских историков дал характеристику деятельности наибов Шамиля на Северо-Западном Кавказе Хаджи Магомеда, Сулеймана Эфенди и Мухаммеда Амина, показав, среди каких социальных групп адыгского общества они искали и находили поддержку и какие слои населения не воспринимали их политику и идеологию мюридизма⁴⁵.

⁴¹ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — Майкоп, 1986. — С.63.

⁴² Там же. — С. 58, 61.

⁴³ Джимов Б.М. Крестьянское движение в дореформенной Адыгее (1793 — 1858) // Ученые записки АНИИ. Т. XI. — Майкоп, 1970.

⁴⁴ Там же. — С. 131–132.

⁴⁵ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — С. 62–66.

В апреле 1990 г. Б.М. Джимов участвовал в работе Кошехабльской конференции, посвящённой Кавказской войне. В своём выступлении «Характер колониальной политики царизма на Северо-Западном Кавказе во второй половине XIX в.» он сделал акцент на избежание крайностей в оценке направленности политики России в регионе. О выдержанной позиции Б.М. Джимова говорит эпизод, описанный Н.Ш. Чеучевым. В конце конференции представитель шапсугской делегации Т. Половинкина попросила Б.М. Джимова высказаться о статье «Связующие нити истории», которую ещё в начале мая 1988 г. опубликовала газета «Советская Кубань». Замечу, что данная статья была написана Б.М. Джимовым, В.Н. Ратушняком и А.Ю. Чиргом и вызвала большой резонанс в научных кругах. Отвечая на него, Б.М. Джимов сказал, что в принципе не против того, чтобы отказываться от когда-то сказанного, если, конечно, оно ошибочно. Но в данном случае он не видит основания для такого шага. Ведь в этой статье главным является призыв к проявлению благоразумия и выдержки, что в истории русско-адыгских отношений было немало позитивных моментов, которые невозможно выбросить из истории. Отказ от указанных выше мотивов, на его взгляд, означал бы ни что иное, как призыв к противостоянию между русскими и адыгами, призыв к новой войне между ними с непредсказуемыми последствиями. «В силу этого, — сказал в заключение Б. Джимов, — я не могу отказаться от этой статьи»⁴⁶. Этот пример наглядно свидетельствует о том, насколько продуманными и взвешенными были его научные выводы и позиции.

Концептуальное оформление взгляды Б.М. Джимова на ситуацию на Северо-Западном Кавказе в первой половине XIX в. получили в докладе «Политика ведущих держав и её отражение в ходе Кавказской войны (конец XVIII — первая половина XIX в.)», с которым он выступил на научной конференции «Кавказская война: история и современность» в Краснодаре в мае 1994 г. В данном выступлении он попытался «вписать» военно-политические события на Северо-Западном Кавказе в европейскую историю того времени, сосредоточив внимание на противоборстве ведущих европейских государств в регионе. Свою задачу он видел в том, чтобы представить «комплексный подход к освещению истории Кавказской войны, показать

⁴⁶ Чеучев Н.Ш. Б.М. Джимов. — Майкоп, 1999. — С.36–37.

наряду с завоевательной войной, которую вела царская Россия против народов Северного Кавказа, и экспансионистские действия правящих кругов Турции, Англии, Ирана, Франции, Австрии, Пруссии и других ведущих мировых держав»⁴⁷. Оставаясь на позициях марксистской методологии, он сделал решительную попытку расставить точки над *i* в такой сложной проблеме, как Кавказская война на Северо-Западном Кавказе, рассмотрев её международный аспект, наряду с политикой российского самодержавия. В то же время Б.М. Джимов обратил внимание на необходимость «создания работ, более объективно, чем раньше, освещающих вопросы, связанные с Кавказской войной» и сетовал на то, что «большинство этой литературы носит сугубо идеологизированно-пропагандистский характер»⁴⁸.

Одним из первых Б.М. Джимов поднял проблему мухаджирства. Переселение части адыгов в Турцию он называл «настоящей трагедией» и считал, что «инициаторами его являлись, прежде всего, горские верхи, боявшиеся, что подчинение России ... повлечёт за собой освобождение... зависимых сословий горцев», а также «турецкие эмиссары», призывавшие адыгов к переселению и «царская военная администрация, которая руководствовалась, главным образом, военно-стратегическими соображениями»⁴⁹.

При оценке проблемы присоединения Северо-Западного Кавказа к России Б.М. Джимов выделял две стороны. С одной, «несмотря на то, что это присоединение было осуществлено с помощью военной силы, — писал он, — включение адыгов в состав России, стоявшей на более высоком уровне социально-экономического развития, имело объективно прогрессивное значение», с другой же, «после присоединения к России адыги оказались под двойным гнётом — социальным и колониальным»⁵⁰.

Работы Б.М. Джимова последних лет жизни отчётливо показывают, в каком направлении происходило развитие взглядов историка в соответствии с новыми методологическими

⁴⁷ Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции, г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. — Краснодар, 1995. — С. 5.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — С. 71.

⁵⁰ Указ. соч. — С. 72.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

подходами и появившимися в конце XX в. темами и общественными запросами.

Не все выводы Б.М. Джимова в настоящее время разделяются современными кавказоведами, однако неизменным остаётся признание научной обстоятельности и глубины подходов учёного. Его исследования по вопросам социально-экономического и социально-политического развития адыгов остаются основополагающими для всех, изучающих историю Северного Кавказа XIX — начала XX вв.

Основные научные труды:

1. Джимов Б.М. Очерки истории Адыгеи. Советский период. Т. II. Гл. I, II. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1981. — 368 с.
2. Джимов Б.М. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1986. — 192 с.
3. Джимов Б.М. Общественно-политическое развитие Адыгеи во второй половине XIX — начале XX в. // Адыгея. Историко-культурный очерк / Отв. ред. Э.А. Шейджен. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1989. — С. 71-92.
4. Джимов Б.М., и др. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. — Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1990. — 256 с.
5. Джимов Б.М. и др. История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917-1991 гг.). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1991. — 288 с.
6. Джимов Б.М. Сельское хозяйство Адыгеи до и после революций (1870 — 1917 гг.) // История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870 — 1993 гг.). — Майкоп: «Меоты», 1994. — С. 13-38.

Чамокова С.Т.

кандидат исторических наук, доцент

Мухтар Асланович Меретуков

В этом году известному этнологу, одному из основоположников исторического адыговедения М.А. Меретукову исполнилось бы 85 лет. Сегодня, в рамках исторических чтений, хотелось, хотя бы тезисно, осветить основные моменты жизненного пути и научной биографии, вспомнить о нем, как о неординарном человеке и ученом.

Мухтар Асланович Меретуков (1927-1994 гг.) родился в ауле Хакуринохаль Адыгеи. С 1934 по 1944 гг. он учился в Мамхеговской средней школе, где отличался любовью к книгам, писал стихи (на адыгейском, а затем и на русском языках),

был корреспондентом районной газеты. Погибший на фронте отец мечтал, чтобы сын получил высшее образование: в 1944 г. М.А. Меретуков становится студентом историко-филологического факультета Адыгейского учительского института, а с 1946 по 1950 гг. продолжает обучение на филологическом факультете Тбилисского государственного университета, бывшем в то время признанным центром кавказоведения.

Почти все время он проводил в Грузинской республиканской библиотеке, вслушиваясь в научные споры профессуры. Услышав же о публикации незнакомого ему автора, тут же бежал в читальный зал и изучал его труды. После окончания университета М.А. Меретуков продолжает образование: поступает в аспирантуру, выдержав огромный конкурс. Его научным руководителем стал выдающийся этнограф член — корреспондент, а затем академик Грузинской академии наук Георгий Спиридонович Читая. По окончании аспирантуры, в 1954 г. М.А. Меретуков защитил кандидатскую диссертацию, исследовав семейные отношения адыгов.

Фундаментальная подготовка, полученная в Тбилисском государственном университете, оказала огромное влияние на формирование его мировоззрения и научных интересов. Хочется подчеркнуть, что на тот момент было три ведущих центра этнографии — Москва, Ленинград и Тбилиси, где особое внимание уделялось кавказоведению. На протяжении всей жизни М.А. Меретуков поддерживал не только научные, но и теплые человеческие отношения с грузинскими коллегами.

Вся трудовая биография М.А. Меретукова связана с работой в Адыгейском научно-исследовательском институте. С 1954 г. более 40 лет, до конца жизни, он трудился в отделе этнологии. Среди коллег он пользовался непререкаемым авторитетом, всегда занимал активную позицию в научных и административных делах. Показательно, что еще в 1977 г., он выступил с докладом на ученом совете института с идеей привлечения к проводимым исследованиям не только этнографов, но и фольклористов, музыковедов, искусствоведов. Во многом, именно благодаря его стараниям в 1990 г. в структуре АРИГИ появился отдел этнологии, который он возглавил, как признанный лидер этнографического адыговедения, имя которого уже приобрело широкую известность в отечественной научной среде и далеко за рубежом.

Многолетние исследования позволили ему в 1987 г. защитить докторскую диссертацию в Институте археологии

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

и этнографии Академии наук Армении. По теме диссертации была издана фундаментальная монография «Семья и брак у адыгских народов». Научные публикации М.А. Меретукова, а библиография его работ включает более 100 названий, логично было бы разделить на три группы. Во-первых, публикации, касающиеся семейно-брачных отношений адыгов: обряды, запреты, обычаи, система родства, связанная с ней терминология, семейное право, изменения и эволюция архаичного быта в XIX-XX вв. Во-вторых, научные работы, посвященные культуре адыгов. В обобщающих изданиях, касающихся Адыгеи и Северного Кавказа он выступал автором крупных статей по культуре адыгов, ремесленным промыслам, религиозным культам, русско-адыгским этническим связям, общественному быту, этикету и т.д.

Его труды отличает богатейший этнографический материал, который он собирал в многочисленных экспедициях (от причерноморских шапсугов до моздокских кабардинцев). Причем, экспедиции часто были совместными с учеными из Москвы, Абхазии, Нальчика, Черкесска. В-третьих, статьи, больше даже литературоведческие, анализирующие творчество адыгских лириков, нартский эпос. Сказывалось, видимо, филологическое образование — он рассматривал в своих работах этнографические элементы в творчестве адыгских писателей Ц. Теучежа, А. Хаткова, поднимал вопросы научной объективности в семитомном издании нартского эпоса. Кроме того, с детства он писал литературные очерки, стихи, рассказы и это увлечение осталось и в зрелом возрасте (эти произведения печатались на страницах местных литературных альманахов, газет и журналов).

Еще одна сфера деятельности — издательское дело. Он являлся научным редактором около 20 научных сборников, из которых следует выделить 8 выпусков коллективного труда «Культура и быт адыгов» (он был неизменным составителем и редактором этого издания). Нельзя не отметить и научно-популяризаторскую работу, которую вел М.А. Меретуков — его статьи часто печатались в периодической печати, нередко были его выступления на радио и телевидении. Он был прекрасным оратором, умел владеть аудиторией, живо убеждая и «заражая» своими идеями, бескомпромиссно отстаивая свою точку зрения. В этом смысле «знаковым» стал и его безвременный уход из жизни, произошедший во время его, как всегда яркого, выступления на вечере, посвященном памяти Казбека Хейшхо.

С 1990 г. М.А. Меретуков, являлся профессором Адыгейского государственного университета, читал лекционные курсы «История Адыгеи» и «Этнография», осуществлял научное руководство аспирантами. Работая в отделе этнографии института младшим научным сотрудником и будучи его аспиранткой, я имела возможность ежедневно общаться с ним. Он оказал на меня большое влияние и как ученый, и как человек. Так, в начале 90-х гг., когда общество металось от яркого атеизма к религиозности, тема моего исследования многими воспринималась, как неоднозначная и неуместная. Хотя М.А. Меретукову легче было руководить работой по истории семейных отношений адыгов, увидев мои склонности, он поддержал избранную тему и оказал большую помощь на всех этапах диссертационного исследования, касающуюся религиозных взглядов адыгов доисламского периода.

Очень большое значение он придавал критическому анализу привлекаемых разнообразных источников, касающихся истории и культуры народов Северного Кавказа, обращая особое внимание на приемы их сравнительного анализа. Он всегда держался с достоинством, подчеркнуто вежливо и интеллигентно, соответственно своему возрасту и статусу. Чувство меры и такта, атмосфера доброжелательности создавали неповторимую ауру в общении с ним. Я благодарна судьбе за то, что в свое время удалось сотрудничать и общаться с таким интересным человеком и большим ученым.

М.А. Меретуков, являясь талантливым ученым, был одновременно и очень яркой личностью. Говоря о его научных достижениях, невозможно не вспомнить о нем, как о запоминающемся человеке и многие его личностные черты, мне кажется, отразились и в его трудах, и в его научной биографии. Он был настоящим патриотом Адыгеи и своей «малой» родины — Шовгеновского района, о чем говорят его работы. Подтверждение этому — его разделы, посвященные культуре адыгов в многотомнике «История народов Северного Кавказа», его яркие выступления на всесоюзных и международных конференциях. Так, на IV Международном коллоквиуме европейского общества кавказологов, состоявшемся в Майкопе в 1992 г., выступая с докладом «Отражение древних форм социальных отношений в адыгском нартском эпосе» он впервые установил связь нартского эпоса с древней историей адыгов.

В то же время, он был человеком очень широких исторических взглядов, который рассматривал местную историю в контексте российской и мировой истории. Стилю М.А. Меретукова

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

как исследователя были присущи широкая эрудиция и компетентность по многим вопросам исторической науки; глубина и доказательность высказываемых суждений, смелость, неординарность, оригинальность мыслей, непримиримость в отстаивании своей точки зрения в научных дискуссиях. Он был блестящим знатоком живой адыгской речи, любил анекдоты, юмор. При этом он хорошо знал русскую и мировую литературу, наизусть читал фрагменты произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, С. Есенина.

М.А. Меретуков был очень прост в общении. К нему можно было обратиться с вопросом, за консультацией по любой исторической проблеме. Он всегда мог оставить свои дела, не показывая нарочитую занятость и уделить достаточное внимание собеседнику. М.А. Меретуков неукоснительно следовал адыгскому этикету — и в одежде, и в поведении, и в своих жизненных принципах, воплощая в себе лучшие черты адыга — рыцаря. Его хорошо знают многие ученые Кавказа. Причем не только историки, но и литераторы, математики, физики. Он поддерживал научные связи со многими учеными Грузии, Дагестана, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Чечни и Ингушетии. Его имя, его научные труды широко известны во многих странах мира. И, тем не менее, для дальнейшей популяризации трудов М.А. Меретукова, восстановления и сохранения его наследия, было бы весьма полезно создать сайт, переведя в электронные ресурсы его труды, многие из которых стали библиографической редкостью.

Основные научные труды:

1. Меретуков М.А. Очерки истории Адыгеи. Советский период. Т. II. Гл. III, VIII. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1981. — 368 с.
2. Меретуков М.А. Положение адыгской семьи в пореформенный период // Культура и быт адыгов. (Этнографические исследования). Вып. IV. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1981. — С. 128-140.
3. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1987. — 368 с.
4. Меретуков М.А. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Гл. XVII. — М: «Наука», 1988. — С. 467-505.
5. Меретуков М.А. Культура и быт адыгов // Адыгея. Историко-культурный очерк / Отв. ред. Э.А. Шеуджен. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1989. — С. 53-70.
6. Меретуков М.А. Наследство у адыгов // Культура и быт адыгов. (Этнографические исследования). Вып. VIII. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1991. — С. 37-42.

7. Меретуков М.А. Из истории русско-адыгских отношений (вт. пол. XIX — нач. XX вв.) // Черкессия в XIX в. — Майкоп: «Адыгея», 1991. — С. 81-91.

Бузаров А.К.
старший научный сотрудник
отдела истории АРИГИ

Сефер-Бей Сиюхов

Сефер-Бей Хацуцевич Сиюхов (1887-1966 гг.) — адыгский просветитель, педагог и публицист, видный деятель национального общественно-просветительного движения конца XIX — начала XX вв. В первое послереволюционное десятилетие — крупный организатор и руководитель национально-культурного строительства и образования в Адыгее и на Северном Кавказе. Десятилетиями он оставался «фигурой умолчания» в официальной истории. Его вклад в культурное развитие адыгского этноса и народов северокавказского региона в соответствии с жесткими установками местной партийной номенклатуры предавался незаслуженному забвению. Лишь в начале 90-х гг. минувшего столетия в связи с произошедшими переменами в общественно-политической жизни страны появилась возможность вернуть из плена забвения эту неординарную и значимую историческую личность.

С. Сиюхов родился в абадзехском селении Бгуашехабль Майкопского уезда Кубанской области (ныне с. Белое Красногвардейского района Республики Адыгея) в крестьянской семье среднего достатка. Вопреки сословным и социальным ограничениям получил неплохое образование. Последовательно обучался в частном медресе, Майкопской Горской школе и Механико-техническом училище им. Александра III, Ладожской учительской семинарии и Майкопском учительском институте. Кроме того, постоянно занимался самообразованием, посещал различные профессиональные курсы, работал в учебных и общественных библиотеках Екатеринодара и Майкопа. Именно это помогло ему приобрести широкие энциклопедические знания, стать эрудированной, духовно богатой и граждански активной личностью, деятельно проявившей себя в разных сферах общественной жизни.

Творческое наследие, оставленное С. Сиюховым, не может

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

не удивлять своей масштабностью, разнообразием жанров и проблематики. Так, удалось выявить более 60 газетных и журнальных статей, очерков, заметок, корреспонденций, а также рукописей, относящихся только к дореволюционному периоду. Широкий тематический спектр, волновавший С. Сиюхова проблем: состояние школьного дела, пути повышения культурного уровня горского населения, удовлетворение его духовно-религиозных нужд, положение женщин в семье и обществе, нравственный долг интеллигенции перед народом.

В серии работ, написанных на стыке историографии и педагогики, С. Сиюхов выступает в качестве компетентного исследователя истории российского «инородческого образования». Его статьи «О русско-инородческой школе» (1914 г.), «Начальное образование и русские мусульмане» (1915 г.), «Причины неуспеха русской школы среди кубанских горцев» (1915 г.) представляют собой содержательные историко-аналитические обзоры развития национального просвещения и эволюции правительственной образовательной политики на окраинах России и, в частности, на Северном Кавказе.

По содержанию и значению педагогические работы С. Сиюхова далеко выходят за рамки традиционной просветительской литературы. Они, как и его учебные и методические пособия, по существу, положили начало развитию национальной научно-педагогической мысли в Адыгее. Эти труды и сегодня не утратили историографической и источниковедческой ценности для региональной науки.

Уже в ранних работах С. Сиюхова, изданных и оставшихся в рукописях, таких как «Этнографические наброски» (1913 г.), «Коронованные палачи. К 50-летию покорения Западного Кавказа» (1914 г.), «Очерк жизни и нравов черкесов, населяющих Куб. нагорную область» (1915 г.) нашли отражение важные историко-этнографические проблемы. Пристальное внимание к адыгской истории, безусловно, объяснялось его гражданской, патриотической позицией, искренней обеспокоенностью исторической судьбой, прошлым, настоящим и будущим своего народа.

Особое место в размышлениях С. Сиюхова занимает тема Кавказской войны. Он был одним из первых адыгских интеллектуалов, рискнувших обратиться непосредственно к проблематике «Кавказской войны» и её трагических последствий для коренного населения региона, ему же принадлежит определение этих последствий как национальной катастрофы. Широкий

общественный интерес, в том числе в научных кругах, вызвало появление в печати в начале 90-х гг. XX в., не публиковавшегося ранее очерка «Перед национальной катастрофой...». Это была одна из фольклорных версий посещения Александром II Абдзехии на заключительном этапе Кавказской войны, записанных и литературно обработанных С. Сиюховым в октябре 1914 г.

Не меньшую историографическую и литературную ценность представляет статья «Коронованные палачи». Относительно небольшая по объему, но весьма ёмкая по содержанию, своей остропублицистической направленностью, она близка к памфлету, и написана, очевидно, под впечатлением от юбилейных торжеств и помпезных празднеств, проводившихся самодержавием и местной администрацией в канун 50-летия покорения Северо-Западного Кавказа. Данная статья, без преувеличения, является своего рода уникальным памятником дореволюционной общественной и историко-публицистической мысли адыгов.

Касаясь отражения темы Кавказской войны, имеющих эмоциональных и резких оценок в этих и некоторых последующих работах С. Сиюхова, хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, автор, несомненно, освещал эти роковые события через призму их народного восприятия, весьма болезненного и обостренного, — ещё слишком свежи и психологически тяжелы они были в коллективной памяти и сознании горцев. Кавказскую войну и её последствия С. Сиюхов воспринимал и как всенародное бедствие, и как личную трагедию. В биографическом очерке 1916 г. «Мой отец», обращаясь к истории своей семьи и рода, он напишет, что поколение отца «пережило ужасы, достойные пера Данте...». Во время одного из вторжений царских войск в Абдзехию погибла его семья; мальчика, оставшегося сиротой, подобрали в разоренном ауле и воспитали у себя дальние родственники.

Другое немаловажное обстоятельство, которое следует иметь в виду: это особенности общественной обстановки начала XX в. на Северном Кавказе. С. Сиюхов приступил к своей литературно-публицистической деятельности в период активных приготовлений к масштабному празднованию 300-летия дома Романовых, по иронии судьбы совпавшего с 50-летием завоевания Северо-Западного Кавказа. По этому случаю, местная пресса изобиловала материалами панегирического содержания о легендарных героях и подвигах покорителей Кавказа. Официальные издания отличала исключительная апологетика кавказской политики самодержавия. В этих условиях вполне естественной и логич-

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

ной выглядит попытка С. Сиюхова, одного из авторитетных представителей черкесской интеллектуальной элиты, донести до широкой российской общественности точку зрения другой, пострадавшей в кровопролитной войне стороны, — коренного населения региона. Понятно, что позиция отличная от официальной не могла быть опубликована в печати. Все, что касалось Кавказской войны, вынужденно писалось С. Сиюховым «в стол». Исключение составляла объёмная публикация 1913 г. в одном из местных общественных изданий, посвященная жизни и военно-политической деятельности Шамиля, личность которого к тому времени была фактически реабилитирована правящими кругами Российской империи.

В данном сообщении уместно упомянуть ещё одно направление литературно-исторического творчества Сефер-Бея Сиюхова, которое может и должно привлечь внимание современных исследователей и читательской общественности. Речь идет о многочисленных, во многом уникальных статьях и очерках о кавказских и российских деятелях просвещения, культуры, науки и политики XIX — первой четверти XX вв. Биографиям и историческим портретам С. Сиюхов придавал, по его собственному признанию, важное прикладное, прежде всего воспитательное, и в тоже время историко-познавательное значение. Его биографические очерки, исторические портреты и портретные зарисовки в известном смысле «реанимировали» и продолжили почти забытую традицию, заложенную ещё С. Хан-Гиреем в его «Жизнеописаниях знаменитых черкесов...». Работы С. Сиюхова подобного жанра внесли существенный вклад в становление и развитие исторической персоналистики в Адыгее.

Основные труды С. Сиюхова историко-этнографического содержания выйдут из печати в послереволюционное время. Широкая общественность молодой автономии, формирующаяся национальная интеллигенция, студенческая молодежь, учительство испытывали острую потребность в объективной научной информации о прошлом своего народа, его этнической культуре. Очерки С. Сиюхова «Воскресение из мёртвых» и «Черкесы-Адыге. (Историко-бытовой набросок)» 1922 г., судя по всему, призваны были заполнить существующие в историко-этнографической литературе «пустоты».

Опубликованный в VII выпуске «Известий ОЛИКО» (старейшего в регионе научно-краеведческого общества, действительным членом которого с 1922 г. являлся С. Сиюхов) очерк по

истории и традиционной культуре коренного населения Кубани «Черкесы-Адыге...», несмотря на известную публицистичность и стремление «опозитизировать» историческое прошлое адыгов, в целом был благожелательно воспринят научно-краеведческим сообществом.

Одним из несомненных достоинств публикации являлась её основательная источниковая база, включавшая малоизвестные и редко используемые работы И. Клингена, Л. Личкова, Л. Симонова, П. Цирульникова, других русских авторов. Очерк пользовался популярностью в среде интеллигенции, школьных работников, студентов и учащихся, пробуждая в них интерес к национальной истории и культуре, стимулируя к самостоятельной историко-краеведческой работе.

Своеобразным итогом историко-этнографических изысканий и наработок С. Сиюхова стал значительный для своего времени обобщающий труд «Адыгея. Историко-этнологический и культурно-экономический очерк», изданный им в начале 1927 г. в соавторстве с У. Алиевым и Б. Городецким. Его выход в свет можно считать своего рода вехой, точкой отсчета, с которой берет начало развитие научно-исторического адыговедения советского периода. В монографии, структурно состоявшей из глав в соответствии с проблемно-хронологическим принципом, достаточно подробно и объективно отражен полный драматических коллизий исторический путь адыгского народа с древнейших времен до создания автономии.

Авторами предпринята небезуспешная попытка реконструировать этническую историю адыгов, в которой древний народ, возможно, впервые в российской историографии предстает самостоятельным субъектом мировой истории, творцом собственной исторической судьбы, а не безликой и инертной массой, о которой прежняя официальная наука вспоминала лишь в связи с теми или иными военно-политическими, экономическими, «цивилизаторскими» и прочими устремлениями и планами могущественных соседей. В очерке прозвучала жесткая, но вполне корректная с научной точки зрения оценка Кавказской войны, указаны ее подлинные причины и цели, названы главные виновники национальной трагедии адыгов.

Конечно, в данном сообщении представлен лишь общий обзор исследовательской проблематики, нашедшей отражение в работах С. Сиюхова и далеко не исчерпывающей сферы его научных интересов. Выпавшие на его долю испытания не позволили реализовать многое из задуманного. В 1930 г. С. Сиюхов был

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

осужден на пять лет по обвинению в «буржуазном национализме» и участия в создании в Адыгее подпольной антисоветской организации. До середины 50-х гг. отбывал наказание в лагерях ГУЛАГА; находясь на вольном поселении, трудился в качестве так называемого «неподконвойного инженера». Последние годы жизни провел в Краснодаре. Похоронен С. Сиюхов в ауле Джамбечий Красногвардейского района Адыгеи в 1966 г.

Основные научные труды:

1. Сиюхов С. Шамиль, как выдающаяся личность XIX века // Кубанский казачий листок (далее — ККЛ). — Екатеринодар, 1913. — №451. — С. 2-3.
2. Сиюхов С. Этнографические наброски // ККЛ. — Екатеринодар, 1913. — №454. — С. 2.
3. Сиюхов С. Коронованные палачи. К 50-летию покорения Западного Кавказа. — Екатеринодар, 1914. 14 октября // Сефербий Сиюхов — адыгский просветитель. Майкоп, 1991. — С. 93-95.
4. Сиюхов С. Начальное образование и русские мусульмане // Кубанская школа. — Екатеринодар, 1915. — №5. — С. 280-287.
5. Сиюхов С. Черкесы-Адыге (Историко-бытовой набросок) // Известия ОЛИКО. Вып. VII. — Краснодар, 1922. — С.126-159.
6. Сиюхов С. и др. Адыгея (Адыгейско-Черкесская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. — Ростов-н/Д, 1927. — 184 с.
7. Сиюхов С. И.А. Наврузов — неутомимый деятель адыгской культуры, этнографии и истории. — Канал им. Москвы. Вольное поселение, 1954 г. // Адыгэ макъ. 2003. 24 мая. — С. 7.

Почешхов Н.А.

доктор исторических наук, профессор

Аслан Сетович Схакумидов

Имя Аслана Сетовича Схакумидова хорошо известно не только в Адыгее, но и за ее пределами. Его труды заложили научно-теоретическую основу важнейшего научного направления, связанного с изучением Великой Отечественной войны. Поставленные им проблемы, далеко вышли по научной значимости за границы северокавказской историографии, получив дальнейшее развитие в современной исторической науке. Многие из присутствующих лично его знали. Мне посчастливилось в студенческие годы учиться у него, а затем вместе с ним работать на историческом факультете. Хорошо помню его лек-

ции, он всегда учил думать, критично размышлять, искать, сопоставлять. Он был широко образованным человеком, всегда по доброму, по отечески относившимся к студентам.

Биография Аслана Сетовича Схакумидова (1934 — 2008 гг.) во многом типична для этого поколения историков. Он происходил из крестьянской семьи, учился в аульской школе, с детских лет проявлял интерес к гуманитарным знаниям, окончил исторический факультет Краснодарского педагогического института⁵¹. Обучение в вузе стало важным этапом в формировании его, как профессионального историка. Значительное влияние на него оказали декан исторического факультета доцент Г.П. Иванов и заведующий кафедрой истории СССР М.В. Покровский. После окончания вуза он успешно занимался педагогической и научной деятельностью: защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации.

Не случайно областью научных интересов для А.С. Схакумидова стала Великая Отечественная война: именно этот период был одним из ярких, трагических воспоминаний его детства. История особая наука, она имеет выраженную тенденцию «старения», но, когда обращаешься к работам некоторых историков, хорошо осознаешь значимость «вневременных идей, которые по прошествии времени изменяются, модифицируются, но продолжают жить. Анализ работ А.С. Схакумидова написанных в разные времена, убеждают в том, что каждый раз он проходил сложный путь познания, усиливая выдвинутые положения за счет привлечения новых источников и все более глубоких аналитических размышлений.

Хорошо известно насколько сложно изучать историю войн. А.С. Схакумидов, будучи человеком своего времени, не мог не уделить внимания официальной проблематике, тем не менее, приведенные им материалы не выглядят догматическими и политизированными. В его исследованиях профессионально описаны не только военно-политические вопросы, связанные со стратегической обстановкой, планированием военных операций противоборствующих сил, но создан образ «людей войны», хорошо представлена деятельность рядовых солдат, их преданность Родине.

Сегодня стало принято подразделять историю на российскую и региональную, зачастую забывая, что эта единая история,

⁵¹ Судьба на фоне времени. Сборник статей, посвященных 70-летию со дня рождения А.С. Схакумидова / Отв. ред. Е.Ф. Кринок. — Майкоп, 2004. — С. 11.

история нашей страны. Бои за небольшие населенные пункты, как правило, не попадают, да и не могут попадать, в обобщающие работы, но именно благодаря таким военным операциям создавались условия для масштабных военных компаний и без их изучения история нередко приобретает схематический характер, теряя полнокровность и доказательность.

В этом плане исследования А.С. Схакумидова представляют непреходящую историографическую ценность. В них отражены вопросы связанные с формированием национальных и региональных воинских формирований, таких как 1175 Майкопский полк, вошедший в состав 347-й Краснодарской стрелковой дивизии; Кубанский добровольческий казачий кавалерийский корпус; Адыгейский добровольческий кавалерийский эскадрон.

То, что война была Отечественной для А.С. Схакумидова не просто терминология, для него это, прежде всего, историческая реальность: война в которой участвовали все национальности Советского Союза. Для него первостепенной задачей стало показать, более того, доказать на конкретном историческом материале, отразившем судьбы людей разных национальностей, в том числе Адыгеи, героически сражавшихся на разных фронтах и в партизанских отрядах.

Особо хотелось бы отметить системную исследовательскую работу, проделанную А.С. Схакумидовым по выявлению и анализу многочисленных и разнотипных источников. Он целенаправленно работал в центральных и региональных архивах таких как Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Центральный архив Министерства обороны СССР; Центральный военно-морской архив; Партийный архив Краснодарского крайкома КПСС; Партийный архив Адыгейского обкома КПСС. Важно подчеркнуть, что им были введены в научный оборот фонды Майкопского историко-краеведческого музея; Областного военного комиссариата, а также многочисленные письма, хранившиеся в семьях красноармейцев.

На конкретных примерах, выявленных в многочисленных архивных коллекциях, собранных благодаря беседам с участниками войны и их личным архивам А.С. Схакумидовым была воссоздана масштабная картина всенародного сопротивления советского народа, позволяющая осознать весь ужас и лишения, постигшие военное поколение людей. Это герои войны Стефан Козлов, Хусен Андрухаев, Хамед Ачмиз, Хасан Меретуков,

а также рядовые бойцы партизанских отрядов — Николай Абрамов, Николай Журавлев, Тагир Шхалахов и многие другие⁵².

Исследовательский опыт А.С. Схакумидова еще до конца неосмыслен. О значимости его вклада в развитие исторического знания свидетельствует то, что, несмотря на изменения, произошедшие в последнее десятилетие в теоретико-методологических основаниях историографии, ни одна научная работа по истории Великой Отечественной войны в регионе не создается без ссылок на исследования Аслана Сетовича Схакумидова и сделанные им выводы.

Основные научные труды:

1. Схакумидов А.С. Адыгея в годы Великой Отечественной войны Советского Союза (1941— 1945 годы) // Сборник статей по истории Адыгеи (советский период). — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1967. — С. 156-181.
2. Схакумидов А.С. Дружба, скрепленная в боях. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1975. — 112 с.
3. Схакумидов А.С. Очерки истории Адыгеи. Т. II. Советский период. Гл. VII. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1981. — 368 с.
4. Схакумидов А.С. В содружестве боевом. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1990. — 176 с.
5. Схакумидов А.С. История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917-1991 гг.). Гл. II. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1991. — 288 с.
6. Схакумидов А.С. Боевое содружество народов — источник победы // Вестник Адыгейского государственного университета. 2000. — №4. — С. 5-9.
7. Схакумидов А.С. К вопросу о политике и морали // Вестник Адыгейского государственного университета. 2003. — №1-3(9-11). — С. 238 — 243.

Тлепкок Р.А.

доктор исторических наук, профессор

Руслан Аскарбиевич Хуажев

Сегодня мы проводим исторические чтения, посвященные памяти историков Адыгеи. Безусловно, данные чтения впишутся в интеллектуальную биографию историков, а ее участники внесут в неё свои новые штрихи. Свежие краски сделают биографии ученых еще более многогранными и яркими. Мысли

⁵² Схакумидов А.С. Дружба, скрепленная в боях. — Майкоп, 1975. — С. 83-106.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

и идеи многих историков продолжают жить, а результаты их научного творчества, как правило, нельзя представить в завершенном виде: они постоянно переосмысливаются, понимаются по-новому и вплетаются в повседневную жизнь.

Вспомнить все, что может составлять интеллектуальную биографию ученого, невозможно, но даже отдельные фрагменты, в известном смысле можно рассматривать как места памяти об этих людях. Так и мое сообщение о Руслане Аскарбиевиче Хуажеве (1945 — 2010 гг.) это всего лишь отдельные штрихи к его биографии, но штрихи, которые говорят о многом.

Родился Р.А. Хуажев в ауле Джерокай, там же с золотой медалью окончил среднюю школу и в 1962 г. поступил в Кабардино-Балкарский государственный университет, который окончил с отличием. Щедро одаренному от природы юноше учеба давалась легко! С 1964 по 1967 гг. проходил военную службу в рядах Советской армии. В 1973 г., он, пройдя серьезный конкурс, стал аспирантом Института экономики и политики мировой социалистической системы Академии наук СССР, учеником известного философа и политолога Анатолия Павловича Бутенко. Результатом серьезной работы явилась защита в 1984 г. в специализированном совете при Институте экономики и политики мировой социалистической системы Академии наук СССР кандидатской диссертации «Становление международных отношений нового типа и их объективные основы».

Это было время, когда многие историки писали диссертации и монографии в строгом соответствии с идеологическими требованиями, переписывая одни и те же факты в строго определенной интерпретации. Но были и те, кто сумел избежать этого пути. Один из них — Р.А. Хуажев. Его публицистические статьи отличали выбор актуальных тем, оригинальная постановка проблем, глубокий анализ фактов. В этой связи, характерным может считаться мнение президента Фонда исторической перспективы, доктора исторических наук Н.А. Нарочницкой описывающей метод работы международника: «Сначала он исследовал факты, находил темы, ставил проблемы, а потом поднимался до уровня осмысления и анализа процессов»⁵³.

И еще — живой, понятный язык, сочетавший доступность с научной корректностью. Уже первые его работы, посвященные теоретическим проблемам развития мировой социалистической

⁵³ Способ доступа: URL http://www.stoletie.ru/obschestvo/v_etot_den_kogda_traset_derzhavu_519.htm

системы, привлекли внимание специалистов и читающей публики. Примечательным является его отношение к стране изучения. Обычно ученые делятся на две категории: одни настолько преклоняются перед страной, которую изучают, что начинают снисходительно относиться к собственной национальной истории. Другие, напротив, стремятся выявить в истории других стран лишь негативное. Р.А. Хуажев сумел удержаться от этих крайностей. Он любил и понимал Америку, но в этой любви не было холуйского преклонения, столь свойственного некоторым российским либералам. Он никогда не идеализировал Россию, но никогда не позволял себе малейшего пренебрежения к своей стране и ее истории. Он даже Америку любил через призму своей любви к России и своей малой Родине Адыгее.

Р.А. Хуажев был среди тех, кто создал исторический факультет Адыгейского госуниверситета (тогда пединститута) в далеком уже 1982 г. Высококласный специалист по истории международных отношений, ученик «самого», как он любил говорить, А.П. Бутенко, он стал заведующим кафедрой истории, любимцем студентов. За многие годы работы на факультете в полной мере раскрылся его талант преподавателя: он увлеченно и щедро делился своими обширными и разносторонними знаниями. Каждая лекция, каждое занятие, представало как живой, образный мир людей, действующими лицами которого становились выдающиеся деятели мировой политики, такие как Шарль де Голль, Уинстон Черчилль, Джон Кеннеди, Конрад Аденауэр и др.

Он стремился сам и как бы приглашал студентов к тому, чтобы вновь и вновь пережить вместе драму и торжество духа истории. Слушать его лекции было одно удовольствие. Он читал их вдохновенно. Казалось, что о том же генерале де Голле он знает больше, чем знают о нем французы. На страницах сборника «Вопросы теории и методологии истории» им неоднократно поднимались вопросы природы политического лидерства⁵⁴. Анализируя мировой опыт и специфику политической культуры на Западе, он доказывал, что «высшей целью общенационального лидера должны быть интересы государства, интересы нации, в сравнении с которыми личное благополучие — будь то власть или материальные блага — ничто»⁵⁵.

⁵⁴ Хуажев Р.А. Феномен политического лидерства в условиях общественного кризиса: к постановке вопроса // Вопросы теории и методологии истории. Вып. 3. — Майкоп, 2001. — С. 24-29.

⁵⁵ Там же. — С. 28-29.

Р.А. Хуажев был романтиком. В 90-е он на какое-то время «окунулся» в политику, вдохновляясь образами исторических деятелей, о которых рассказывал в студенческой аудитории. Это было время серьезных радикальных изменений в истории нашей страны, менялась политическая система, формировалась российская государственность, КПСС утратила свою монополию, формировались рыночные отношения, менялись отношения с другими странами. Историки особенно остро чувствовали изменения в обществе. Р.А. Хуажев близко к сердцу принимал все, что происходило со страной. Переживал. Страдал. Писал аналитические статьи в прессу. Как личную трагедию воспринял грузино-абхазскую войну 1992 г., добровольцами на которую ушли его друзья и студенты. Являясь депутатом Верховного Совета Республики Адыгея, стал членом Совета учредителей культурного Центра «Адыгейская Энциклопедия».

Одну из своих задач ученый видел в пробуждении интереса к истории. Наряду с преподавательской работой, Р.А. Хуажев много внимания и энергии отдавал научно — популяризаторской деятельности. Многие годы он руководил дискуссионным клубом факультета. Будучи высококласным специалистом по истории международных отношений, он считал своим профессиональным долгом объяснять людям сложные перипетии современной политики. Он охотно выступал в газетах, на радио, телевидении, куда его часто приглашали, как человека, умеющего говорить интересно и понятно. В республиканской газете «Советская Адыгея» систематически публиковались блестящие по содержанию и стилю аналитические статьи, посвященные актуальным вопросам международных отношений и политической истории России. Он обладал талантом оратора, человеческим обаянием, редким умением вести диалог, любил полемизировать о демократии, о нарушении прав граждан....

Наряду с высоким уровнем научной компетенции его отличала и общегуманитарная эрудиция. Именно это способствовало признанию и уважительному отношению к Р.А. Хуажеву со стороны коллег. Несмотря на обманчивую внешнюю суровость, категоричность в оценках и суждениях, он был добрым, обаятельным человеком. Рано лишившись родителей, трепетно относился к близким ему людям, высоко ценил память о родных, искренне любил студентов и коллег.

Он упорно стремился преодолеть узкие рамки специализации, принадлежал к лагерю думающих, знающих и интеллектуально честных людей и в этом отношении напоминал исто-

риков XIX в. Хотелось бы сказать и еще об одном: увлечении Р.А. Хуажева шахматами, что тоже, на мой взгляд, обогатило его внутренний мир. Он был действительно ученый, человек, нестандартно мыслящий, знающий большое количество интересных научных источников.

Последние работы Р.А. Хуажева были посвящены глобальному экономическому кризису, современной геополитической ситуации и определяющим тенденциям развития нашего общества. Прекрасно зная историю мирового кризиса 1929 — начала 1930-х гг., он находил удивительно точные аналогии, и указывал на возможные пути решения уже современных проблем. Сегодня его научный опыт как никогда востребован: было бы весьма полезно издать его статьи по наиболее актуальным проблемам новейшей истории.

Основные научные труды:

1. Хуажев Р.А. Теоретические проблемы развития мировой социалистической системы // Экономические проблемы социализма. Вып. 1. — М.: ИНИОН АН СССР, 1975.
2. Хуажев Р.А. Социализм и международные отношения. — Краснодар: Знание, 1982. — 38 с.
3. Хуажев Р.А. Принципы социалистического интернационализма и их буржуазные критики. — Краснодар: Знание, 1983. — 33 с.
4. Хуажев Р.А. Посткоммунистическое общество: реалии и проблемы // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Вып. 1. — Майкоп: Изд-во АГУ, 1995. — С. 102-111.
5. Хуажев Р.А. Феномен политического лидерства в условиях общественного кризиса: к постановке вопроса // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Вып. 3. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. — С. 24-30.
6. Хуажев Р.А. Э.А. Шеуджен: «Путь в историю» // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов / Науч. ред. Э.А. Шеуджен. Вып. 6. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. — С. 3-8.
7. Хуажев Р.А. Шарль де Голль — человек и политик // Диалоги с прошлым: Исторический журнал / Отв. ред. Э.А. Шеуджен. — Майкоп: Изд. АГУ, 2008. — №5. — С. 62-69.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

Федосеева Л.Д.

кандидат исторических наук, доцент

Ким Кансаович Хутыз

Известного в России ученого К.К. Хутыза, как исследователя интересовал широкий круг проблем от национального строительства до истории охоты у адыгов. В известном смысле тематическая направленность его работ отразила сложный, во многом противоречивый путь, пройденный историками советского времени и достаточно органично вписавшихся в новые, нетрадиционные направления исторического знания.

Ким Кансаович Хутыз (1935-2010 гг.) родился в ауле Ленинохабль Теучежского района. В 1959 г. окончил филологический факультет Адыгейского государственного педагогического института. В период с 1959 по 1963 гг. являлся инструктором, затем вторым и первым секретарем Майкопского горкома ВЛКСМ. С 1963 по 1967 гг. — первый секретарь Адыгейского обкома ВЛКСМ. С 1967-1973 гг. — первый заместитель председателя исполкома Майкопского городского Совета депутатов трудящихся. Это был период интенсивного жилищного строительства: в областном центре возводились школы, учреждения культуры и другие объекты социальной сферы. Именно они находились под его личным контролем.

С 1973 — 1984 гг. К.К. Хутыз работал председателем комитета по телевидению и радиовещанию. Именно в этот период начались регулярные передачи республиканского телевизионного вещания, было построено новое современное здание телерадиокомитета, оснащенное новейшей аппаратурой. Надо отметить, что строительство происходило в сложный период, когда страна готовилась к Московской олимпиаде, шло закрытие многих строительных площадок. Но во многом благодаря руководителям области и непосредственно К.К. Хутызу, Адыгейский центр радиовещания и телевидения был включен в список олимпийских объектов. Именно на его базе проходили обкатку новые проекты и оборудование.

В 1984 г. К.К. Хутыз был назначен директором Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории. Очень сложными были годы его работы (1985-1996 гг.) ректором Адыгейского государственного

педагогического института, при его активном участии преобразованного в университет. Много внимания он уделял укреплению материальной базы вуза: были построены учебный корпус факультета физической культуры, общежитие, читальный зал, столовая, 104-квартирный дом для сотрудников университета. Во многом благодаря его усилиям проходила реорганизация структуры университета: на базе единого физико-математического факультета создаются два самостоятельных — математический и физический; создается факультет дополнительных педагогических профессий, адыгейское отделение преобразуется в факультет национальной школы, организуется кафедра информатики и вычислительной техники, появляются новые спортивные кафедры — по легкой атлетике и спортивной борьбе.

Постоянное внимание К.К. Хутыз уделял подготовке высококвалифицированных кадров. При его непосредственном участии в университете открылись аспирантура, диссертационный совет, научно-исследовательские лаборатории, различные курсы по подготовке и переподготовке научно-педагогических кадров. Докторанты и аспиранты получили возможность защитить диссертации в ученых советах ведущих вузов страны. В качестве председателя Совета ректоров вузов юга России он принимал активное участие в работе вузов Северного Кавказа. Являлся членом редакционного совета журнала «Научная мысль Кавказа», издаваемого Северо-Кавказским научным центром высшей школы.

Как свидетельствуют приведенные данные, К.К. Хутыз прошел во многом типичный для его поколения «путь в науку»: имел солидную подготовку, разносторонний опыт практической работы. Будучи человеком деятельным, ответственным, с сильным характером, аналитическим складом ума он всегда был на своем месте, оставлял добрый след. Главной для него была забота о людях. В очень напряженный период жизни страны он ни разу не допустил несвоевременной выдачи заработной платы и стипендий.

Всю сознательную жизнь К.К. Хутыз проявлял интерес к научной деятельности. В 1973 г. в Нальчике он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, в 1994 г. в Москве — докторскую диссертацию. Он был профессором кафедры Отечественной истории, членом-корреспондентом Академии педагогических и социальных наук России, членом-корреспондентом Южно-Российского отделения Международной академии наук высшей школы, заслуженным

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

деятелем науки Республики Адыгея, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации. С 1996 г. являлся членом диссертационного совета по историческим наукам при АГУ, а с 2008 г. его председателем.

К.К. Хутызом было опубликовано свыше 50 научных и научно-методических публикаций, в том числе 5 монографий. Под его научным руководством было подготовлено и защищено 7 кандидатских диссертаций, посвященных актуальным проблемам революций, гражданской войны и национальному строительству на юге России. Проведенные им исследования актуальных проблем национальных взаимоотношений адыгских народов Северного Кавказа, изучения роли и значения интернационального воспитания трудящихся, способствовали раскрытию причин негативных явлений в сфере национальных отношений и деформации национальной политики в годы сталинизма.

Пестрота национального состава Северного Кавказа, не может не сказываться на интенсивности межнациональных отношений, на процессах интернационализации общественной жизни. К.К. Хутыз вполне отдавал себе отчет, что становление межнациональных отношений как внутри автономных республик и областей, так и в масштабах того или иного региона идет не автоматически, оно требует постоянного внимания, предъявляет повышенные требования к разработке и претворению в жизнь экономической и социальной политики.

Он был убежден, что в нашей многонациональной стране без радикального преобразования всей системы национально-государственных отношений не может быть успешно решен ни один серьезный экономический, политический, социальный, правовой или иной вопрос. Более того, игнорирование этого факта может вызвать острые общественные конфликты. Эти выводы и сегодня сохраняют свое значение. В российском обществе все более осознается высокая значимость полнокровной национальной жизни, свободного национального развития, ничем не ущемленного национального суверенитета, естественных прав человека как надежных условий устойчивой целостности народов и всего государства.

Во многих своих работах К.К. Хутыз обстоятельно исследовал деятельность партийных организаций, общественных движений, государственных органов республик и областей Северного Кавказа по руководству социалистическими преобразованиями, упорно стремился раскрыть роль и значение создания

национальной государственности как политической основы интернационального воспитания трудящихся. Им была исследована деятельность советских, общественных организаций и движений по интернациональному воспитанию трудящихся, преодолению националистических пережитков в сознании людей, раскрыты формы и методы идеологической работы по укреплению дружбы народов. Большое внимание он уделял преобразованиям духовной жизни народа: ликвидации неграмотности, созданию культурно-просветительских учреждений, формированию национальной интеллигенции, развитию литературы и искусства.

Как точно отметила профессор Э.А. Шеуджен в одной из своих статей, К.К. Хутыз смог закрепить за собой право считаться основоположником нового научного направления, что далеко не каждому ученому удастся. Им был создан оригинальный труд, посвященный такому многоплановому, исторически значимому явлению, как охота у адыгов⁵⁶. Опубликовав два тома своего исследования, вобравшего в себя не только многочисленные исторические, археологические, этнографические свидетельства, но и обширные знания по зоологии и охотоведению, он создал по-научному точную и в то же время проникнутую романтикой картину жизни адыгов, органично связанную с природой и животным миром родных Кавказских гор.

Исследование К.К. Хутыза — об историческом опыте взаимосберегающей связи людей и живой природы. Оно выходит за пределы истории и этнографии одного народа, и представляет энциклопедический труд об адыгейской охоте в широком историко-культурном контексте. В сфере внимания автора не только история развития охотничьих приемов, место этого важного промысла в жизни народа, но и традиция осознания единства природы и человека в сложном процессе этногенеза адыгов.

В своих работах он подчеркивал, что первобытные охотники добывали зверя столько, сколько было необходимо для еды. Человек не выделялся из природы, не властвовал над животными, а существовал в одном жизненном пространстве с ними. Этот стержневой вывод исследователя дает ключ к его эколого-исторической концепции охоты не как способа истребления

⁵⁶ Хутыз К.К. Охота у адыгов (Эколого-этнографический аспект). Кн. 1. — Майкоп, 2001; Охота у адыгов (Дикий животный мир). Кн. 2. — Майкоп, 2004.

диких животных, а как формы драматического состязания живой и разумной природы, ограниченного биологической потребностью поддержания социальной жизни. Речь идет об охоте в ее историческом измерении.

Говоря об условиях, в которых формировалась местная охотничья культура, автор подчеркивает важную роль единой географической среды, где возник и до сих пор бытует своеобразный социо-природный феномен. Применяя специальный метод, исследуя историю с географической точки зрения, он подчеркивал, не только своеобразие местной культуры, вызванное здешними природными особенностями, влияющими на складывание кавказского типа человека, но и отмечал роль единой географической среды в формировании общих элементов кавказской культуры и связанных с нею евразийских территорий.

Пожалуй, немногие современные авторы могут апеллировать в своих работах к собственному опыту и, что еще более значимо, явственно ощущать свое единство с загадочным миром природы, образно передать восхищение его завораживающей красотой и силой. Именно этим очарованием проникнуты работы К.К. Хутыза, ставшие романтической исповедью ученого и знатока. Они отличаются не только обширностью привлеченного материала, но и ярко выраженной личностной позицией автора. Это превращает книгу не просто в энциклопедию разнообразных эколого-исторических знаний, полезных профессионалам и любителям, но и в увлекательную поэму — своеобразный гимн красоте и жизнеутверждающей силе родной природы, предупреждая одновременно о ее уязвимости перед стихией растущей технической мощи. Автор поднимает и в полный рост ставит глобальную проблему судьбоносной экологической гармонии человека и окружающего мира на примере природных богатств исторической родины, много претерпевшей от людского ненасытного, бездушного стремления к прогрессу.

К.К. Хутыз был общественно-активным человеком, в течение 30 лет избирался депутатом городского и областного совета народных депутатов, являлся активным членом Адыгейской республиканской организации общества «Знание», с 2002 по 2006 гг. возглавлял комиссию по помилованию при Президенте Республики Адыгея. Его труд отмечен государственными наградами: орденом «Знак Почета», медалями «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина», «Слава Адыгеи», «За вклад в развитие Кубани — 60 лет Краснодарскому

Так, в 2001 г. в соавторстве с М.Н. Хамирзовой он опубликовал монографию «Из истории просвещения и образования у адыгов»⁵⁷. (1) Это одно из интересных исследований исторического опыта адыгского народа: не имея письменности, подготовленных учителей он на протяжении веков создавал свои формы и методы воспитания, отвечающие требованиям времени. В поле зрения ученого сведения известных ученых и иностранных путешественников конца XVIII-начала XIX вв. об аталыках, о круге вопросов, охватываемых институтом аталычества в процессе воспитания юношей. Так, англичанин Э. Спенсер, посетивший Черкессию в 30-х гг. XIX в., с удивлением сообщал: «Образование молодежи Черкессии напоминает героическую эпоху бессмертной Греции, так как редко, очень редко мальчик воспитывался под родительским кровом». Он характеризовал черкесов как «самый цивилизованный и могущественный народ, который когда-либо видел мир»⁵⁸.

Значимо, что в данной работе особо подчеркивается роль в просвещении адыгов декабристов, выдающихся представителей русской и мировой культуры, адыгской интеллигенции XIX в. В разные годы и в разных российских изданиях публиковались произведения адыгских просветителей Адиль Гирея Кешева, Султан Хан-Гирея, Умара Берсея, Шоры Ногмова.

Авторы отмечают, что герои Сенатской площади 1825 г. А. Одоевский, А. Бестужев, А. Розен были влюблены в Кавказ, восхищались честностью, мужеством и трудолюбием его народов. Известно, что А.С. Пушкин посвятил лучшие свои произведения Кавказу, такие как «Тазит», «Путешествие в Арзрум», «Кавказский пленник», а М.Ю. Лермонтов создал на Кавказе свои бессмертные сочинения «Мцыри», «Измаил бей», «Герой нашего времени». «Что сказать о племенах Кавказа?» писал А. Бестужев-Марлинский, — наружность их величава: особенно черкесы отличаются гордой осанкой... Это модель Аякса или Ахиллеса... Все обнаруживает силу и свободу»⁵⁹.

Исследуя истоки становления образования у адыгов, Н.Ш. Чеучев отмечает, что с покорением Кавказа и включением его в единое экономическое и политическое пространство страны перед верховной властью встал вопрос о формах и мето-

⁵⁷ Чеучев Н.Ш., Хамирзова М.Н. Из истории просвещения и образования у адыгов. — Майкоп, 2001. — 102 с.

⁵⁸ Спенсер Э. Путешествия в Черкессию. — Майкоп, 1994. — С.105, 120.

⁵⁹ Марлинский А. // Полн. собр. соч. Ч. 2. — СПб., 1938. — С.147.

дах просвещения горских народов. По его мнению, официальная государственная школа в регионе имела не только просветительские цели, но должна была стать средством достижения имперских целей — подавления национального духа коренных народов и, по свидетельству П.Н. Милюкова, «слияния его с общим русским духом».

Копирование системы российского образования, по мнению царских управленцев Кавказского края, «явится лучшим и наиболее выгодным в материальном отношении способом искоренения среди горцев враждебного правительству фанатизма, поможет внедрению в их молодое поколение истинных (в российском понимании) правил чести, долга, трудолюбия и порядка, будет содействовать слиянию горских народов с русским населением».

При этом Н.Ш. Чеучев подчеркивает, что такой точки зрения придерживались не все. Так, П. Услар, видя, что горцы в мирных условиях охотно посылают своих детей в школу, был солидарен с горцами — просветителями и настаивал на том, чтобы организовать «обучение и воспитание детей горцев на их родных языках»⁶⁰. Он полагал, что только «сохранение индивидуальности народа путем обучения грамоте на его собственном языке и может смягчить сердца горцев, устранить остатки ненависти к завоевателям»⁶¹.

Особое внимание Н.Ш. Чеучев уделяет роли учителей. Анализируя взгляды кавказских просветителей, он подчеркивает, важность высказанного мнения о том, что горские дети должны обучаться на родном языке и, по возможности, учиться вместе с русскими детьми. Первым вопрос о необходимости открытия на Северном Кавказе светской школы был поднят в 1825 г. известным кабардинским общественным деятелем Федором Бекковым Черкасским. Эту идею поддержал и наместник Кавказа М.С. Воронцов. Он пошел дальше, посчитав делом первой важности «непрерывное и безусловное обучение всех русских учащихся, по крайней мере, одному из туземных языков». Определяющее значение в этом смысле имело принятое 10 мая 1835 г. «Положение о кавказских училищах», в котором высказывалось требование изучения местных языков детьми русских

⁶⁰ Кавказские горцы. Сборник сведений. Вып. I. — Тифлис, 1868. — С. 7,8.

⁶¹ Там же. Вып. 3. — Тифлис, 1970. — С. 37.

чиновников⁶². Однако эти идеи, как справедливо подчеркивал Н.Ш. Чеучев, не были реализованы.

Однако, с конца 60 г. XIX в. кавказская школа становится объектом острых научных и политических дискуссий. Это и понятно, ибо растущий капитализм втягивал в свою орбиту Северный Кавказ, требовал расширения сети образовательных учреждений для горцев⁶³. Этому же требовала и «необходимость укрепления самой российской государственности, ее объективные интересы»⁶⁴. В те годы горские школы были созданы во Владикавказе, Нальчике (1860 г.), Грозном (1863 г.), Майкопе (1866 г.), Назрани (1870 г.). Среди первых воспитанников Майкопской горской школы были известные просветители и государственные деятели Северного Кавказа: К. Намитоков, А. Шемгохов, Н. Цеев, Г. Дзосохов, С. Сиюхов, А. Гагагогу. Нельзя не согласиться с выводом автора, что адыгская педагогика, несмотря на нелегкий и противоречивый путь развития, оставалась народной и гуманистической⁶⁵.

Как историк Н.Ш. Чеучев остро чувствовал потребности времени. Когда в конце 80 — начале 90-х гг. XX в. в исторической науке осмысливались пути выхода из методологического кризиса, им было издано учебное пособие «Основы современной цивилизации», оказавшее большую помощь учителям истории, в овладении современными концепциями развития истории.

Внимание Н.Ш. Чеучева не могла не привлечь неожиданная и резкая сменой политического курса страны 80-90-х гг. Об этом периоде он очень точно пишет: многомиллионная страна оказалась без привычного уклада жизни, который уже считался далеко не комфортным, но все же своим и притом вечным и неизменным. Результатом этих размышлений стала его публикация «Святая ложь или торжественный марш на месте», пронизанная щемящей болью ученого за казалось бы далекие, но в то же время близкие годы, когда канули в лето гладкие, зовущие в «прекрасное далеко» лозунги, нравственные идеологические ориентиры и ценности которыми советское общество жило 70 лет.

Н.Ш. Чеучев с болью отмечал, что и «зрелый социализм», и «самое передовое демократическое общество в мире», о которых

⁶² Модзилевский Л.Н. *Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 гг.* — СПб., 1903. — С. 19–25.

⁶³ Чеучев Н.Ш., Хамирзова М.Н. *Указ соч.* — С. 19, 20.

⁶⁴ Чернолуцкий В. *Основные вопросы организации школы в России.* — СПб., 1909. — С. 67.

⁶⁵ Чеучев Н.Ш., Хамирзова М.Н. *Указ соч.* — С. 4, 20–21.

перегоняя друг друга кричала наша пресса, оказались на деле блефом. Не было в нашей истории ни «развитого», ни «зрелого социализма», пишет автор. При этом, критикуя многие оценки политической и экономической ситуации в стране, ученый выступал против огульного отрицания того, что было достигнуто, отмечая, что общественное развитие всегда противоречиво и многосложно. Никогда в истории человечества не было крупной вехи, которая характеризовалась бы одним цветом. Так было и в 70-летней истории советского государства.

По его глубокому убеждению нельзя представлять «застойные годы» периодом абсолютного торможения общественного развития, всех сфер и звеньев народном хозяйстве. Речь может идти о тенденциях, повествующих о неизлечимых болезнях, зовущих вперед ориентирах, загнивании форм и методов руководства механизмом общественного развития». В работе так же делается попытка осмысления трудностей перестроечного лихолетья и становления в Адыгее суверенного государства. Повышение статуса дало Адыгее возможность порвать информационную блокаду, в которой, по мнению Н.Ш. Чеучева, она находилась долгие годы. Голос многонациональной республики зазвучал, как равный среди равных в составе Российской Федерации, гордо и свободно.

Радуясь суверенитету, Адыгеи Н.Ш. Чеучев поднимает и нерешенные проблемы, часть из которых перешла из прошлой жизни, часть возникла при новом режиме и связаны с происходящими в обществе коренными изменениями в сфере экономической, политической систем, деформации идеологических и нравственных ориентиров личности, появлением атмосферы недоверия и т. д. Вместе с тем он верит, что эти проблемы решаемы и обязательно будут решены со временем⁶⁶.

Одним из направлений научной деятельности Н.Ш. Чеучева стала историко-биографическая проблематика. Им опубликованы очерки «Гошевной Шовгенова», «Аскер Гадагатль: ученый, поэт и общественный деятель», «Б.М. Джимов: жизнь и научная деятельность». Это хорошо документированные, яркие портреты наших современников, освещающиеся на фоне трагических событий гражданской войны, советского периода отечественной истории и перестроечного лихолетья.

Будучи известным педагогом и профессором кафедр двух университетов Н.Ш. Чеучев уделял большое внимание разработке

⁶⁶ Чеучев Н.Ш. *Святая ложь или торжественный марш на месте (1970–1994 гг.)*. — Майкоп, 1994. — С. 3, 4, 7, 8, 34, 95, 121.

учебно-методической литературы. Он был соавтором учебников по истории Адыгеи для 9-10 классов, автором учебно-методического пособия и задачника по курсу «Народная дипломатия». Подготовленное им оригинальное пособие, включает материалы по истории и теории народной дипломатии, документы международных организаций, нормативные акты государственных и общественных организаций, этический кодекс участника движения гражданской народной дипломатии, программу и задачи курса, список источников и литературы из 185 наименований.

Особый интерес представляет изложенная Н.Ш. Чеучевым история развития этого направления в Адыгеи. Идея создания учебно-педагогических и научных структур народной дипломатии при вузах и общеобразовательных школах Адыгеи возникла в 90-х гг., когда на развалинах некогда могущественного многонационального государства образовались страны СНГ, самостоятельные национальные государства. С распадом СССР национальный вопрос, религия, обычаи и традиции, стали предметом острых и опасных дискуссий. Именно в эти годы в Адыгее были созданы Лига мира и центр народной дипломатии в АГУ, созданный при кафедре отечественной истории и кафедра народной дипломатии при МГТУ. По инициативе этой организации более чем в 30 школах нашей республики созданы и функционируют 30 клубов «Юный дипломат».

Высоким уровнем научности отличались доклады и сообщения Н.Ш. Чеучева, с которыми он выступал на международных, региональных и республиканских конференциях «Народная дипломатия на Кавказе»: опыт и проблемы» (Ростов-на-Дону), «Кавказ: дипломатия народная» (Майкоп), «Женщины за мир без войн и насилия» (Ростов-на-Дону), «Мир Кавказу» («Майкоп за мир на Северном Кавказе» (Элиста) и др. Портрет этого замечательного человека был бы не полным, если не отметить с какой любовью и отдачей занимался он практикой миротворческой деятельности, с какой скрупулезностью изучал и обобщал прогрессивный опыт народов Северного Кавказа и других регионов страны по предупреждению и разрешению социальных и национальных конфликтов. Он побывал во всех «горячих» точках Кавказа: в Чечне, Абхазии, Северной Осетии, Ингушетии, Дагестане, Азербайджане, стремясь на практике воплотить идеи народной дипломатии. Последняя его работа, созданная в соавторстве с известным общественным деятелем, председателем культурно-национального общества греков Адыгеи «Арго» А.А. Спириным, была опубликована буквально перед его кончиной. В ней исследуется история

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

появления греков на Северо-Западном Кавказе, их религии, обычаи, традиции, обустройство проживания в Адыгее. Эта работа была задумана как часть серии книг по истории диаспор в республике. Ее целью является помощь многонациональному народу Адыгеи ближе узнать соседей, быстрее преодолеть возникающие в жизни этнические недоразумения, укрепить дружбу и братство между людьми разных языков и культур.

В поэтическом сборнике А. Псеуша «Душа бессмертна» есть стихи, посвященные нашему замечательному современнику Н.Ш. Чеучеву. Называется оно «Интеллигент». В заключение своего сообщения мне бы хотелось привести такие строки:

*«Сверхутонченные манеры,
Глубокий ум и доброта,
не принимаются без веры
Без входа в Божие врата.
Твоя задача нелегка,
И, улучшая нравы рода,
Тебя запомнят навсегда.
За боль чужих душой болея,
Живешь для дел святых, благих,
Себя нисколько не жалея,
Страдаешь часто за других.
Пороки века оголяя,
К разумной жизни всех зовешь,
И, мир собою удивляя,
Красиво, правильно живешь.»*

Основные научные труды:

1. Чеучев Н.Ш. Гошевной Шовгенова. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1990. — 88 с.
2. Чеучев Н.Ш. и др. История Адыгеи (10-11 кл.). Учебник. — Майкоп: Адыг. кн. изд., 1992. — 158 с.
3. Чеучев Н.Ш. Б.М. Джимов (Историко-биографический справочник). — Майкоп: Меоты, 1999. — 64 с.
4. Чеучев Н.Ш., Хамирзова М.Н. Из истории просвещения и образования у адыгов. — Майкоп: «Адыгея», 2001. — 102 с.
5. Чеучев Н.Ш. А. Гадагатль. Поэт, ученый, общественный деятель (На турецком языке). — Анкара, 2005. — 205 с.
6. Чеучев Н.Ш. Народная дипломатия. Учебно-методическое пособие для преподавателей и студентов вузов, учителей и учащихся старших классов общеобразовательных школ РА. — Майкоп: Изд-во АГУ, 2007. — 272 с.
7. Чеучев Н.Ш., Спиринов А.А. Греки Адыгеи. — Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2012. — 200 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Потокова Э.А.

кандидат педагогических наук, доцент

Поставленные в докладах проблемы приводят к мысли, что многие из них могут получить дополнительные характеристики на основе сложившихся в психологии подходов. Научным исследованием жизненного и творческого пути человека занимаются такие науки как философия, история, социология, история науки и, конечно, психология. И это неудивительно, поскольку каждая из данных дисциплин пытается по-своему ответить на вопросы, касающиеся обстоятельств и сущности человеческого бытия, а значит, неизбежно должна затрагивать проблему индивидуальной жизни.

Причем биографии ученых получили, пожалуй, наиболее широкое распространение и по праву считаются одним из основных научных жанров. При таком подходе анализ непосредственно нацелен на биографию как организующее начало воплощения определенных научных идей, т.е. жизнь каждого незаурядного ученого — это само по себе историческое событие, некий поворотный момент в развитии научного знания. В этом качестве биографический метод представляет собой нечто значительно большее, чем инструмент для изучения отдельных личностей: он позволяет увидеть зарождение и развитие творческого начала, становление профессионального интереса.

Не случайно именно в рамках психоанализа в XX в. зародилось и успешно развивается такое направление, как психобиография. В нем воплощен специфический принцип анализа личности: через историю ее развития. Авторы большинства заслушанных сообщений вполне правомерно обратились к детству историков. В психоанализе личность рассматривается как производная психологически значимых событий, происходивших в раннем детстве. Такими событиями считаются различные психологические конфликты, психотравмирующие ситуации, впечатления и переживания, которые оказывались значимыми

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

для последующих этапов личностного развития и деятельности в области научного или художественного творчества⁶⁷. При таком подходе именно изучение биографии, социально — психологических свойств, позволяет раскрыть общие и непреложные закономерности духовного развития человека.

В российской науке подход к анализу личности через ее жизненный путь был предпринят еще в 20-е гг. XX столетия Н.А. Рыбниковым, широко применявшим биографический метод в своих исследованиях⁶⁸. На практике, в полном соответствии с требованиями первых послереволюционных лет, задача исследователя состояла в том, чтобы продемонстрировать прямое и непосредственное влияние социальных переломов (в частности, Октябрьской революции) на развитие личности, начиная от ее психофизиологических свойств и кончая мировоззрением, убеждениями и мотивацией. Жизненный путь был для Н.А. Рыбникова историей реализации заложенных в человеке способностей в конкретных общественно-исторических условиях, препятствующих или благоприятствующих их проявлению. Поэтому преувеличивалась роль таких детерминант жизненного пути, как социальное происхождение, материальные условия, события общественной жизни и т. п.

Вместе с тем Н.А. Рыбников указывал на огромные возможности использования биографического метода для изучения условий достижения успеха на поприще научного творчества, считая, что потенциально выдающихся людей рождается значительно больше, чем ими фактически становятся. Следовательно, целью изучения жизненного пути ученого должно стать, по его замыслу, выявление внешних факторов, тормозящих реализацию таланта. К сожалению, биографические исследования Н.А. Рыбникова не получили своего дальнейшего развития отчасти потому, что не имели под собой достаточно проработанной психологической концепции, а также потому, что казались слишком «субъективными» на фоне бытовавших в те годы объективистских тенденций в психологии. Сама же идея применения биографического подхода в психологии была, безусловно, плодотворна и прогрессивна.

⁶⁷ Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминание детства. — Ростов-на-Дону, 1990.

⁶⁸ Рыбников Н.А. Биографии и их изучение. — М., 1920; Его же. Психология и биографии // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2; Его же. Автобиография как психологические документы // Психология, 1930. Т. 3. Вып. 4 и др.

В контексте поставленных в докладах проблем несомненный интерес представляет развернутая Б.Г. Ананьевым, хотя и не бесспорная, концепция жизненного пути как движения от индивида к личности⁶⁹. Им же была сформулирована идея жизненного пути как специфически человеческого способа индивидуального развития. Именно его работами был заложен принципиально новый взгляд, согласно которому, личность не только продукт своей биографии, но и ее субъект, т. е. активный творец. На разных стадиях жизненного пути соотношение вклада внешних воздействий и внутренней детерминации различается и зависит от уже достигнутого уровня личностного развития.

Применение биографического метода подразумевают широкое использование биографических материалов — автобиографий, дневников, свидетельств очевидцев, биографических опросников и многого другого⁷⁰. В социальной психологии и социологии науки биографический метод применяется для изучения влияния различных параметров, в основном таких, как социальное происхождение, материальное положение семьи и др., на развитие творческих способностей и дальнейшую продуктивность ученого. Н.Л. Гиндилис был дан тщательный анализ возможностей использования метода коллективной биографии для изучения взаимосвязи среды и наследственности в формировании ученых.

В целом сущность биографического метода состоит в том, чтобы ответить на вопрос, из каких событий жизни и посредством каких механизмов рождается конкретная личность и как в дальнейшем она строит свою судьбу.

Однако далеко не всякое использование биографических данных для исследования психологии ученого служит цели реконструкции его личности через историю жизни. И здесь мы подходим к определению, в котором понятие биографический метод, пожалуй, наиболее широко представлено в психологии. В американской психологии творчества получили широкое распространение так называемые биографические опросники. Они были разработаны для вполне конкретных практических целей: диагностики научных работников по критерию их пригодности к собственно исследовательской или административной

⁶⁹ Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977; Его же. Избранные психологические труды. — М., 1980.

⁷⁰ Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь. Логинова Н. А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. 1985. — №1. — С. 103–109.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

деятельности в науке, прогнозирования будущих достижений ученого при приеме его на работу и др.

В их задачу не входит воссоздание представления о целостной личности или истории ее формирования. Данные опросники строятся исходя из традиционного допущения о том, что ученый должен обладать определенным набором качеств, которые обеспечат ему успех на данном поприще. Считается, что эти качества могут быть легче и надежнее диагностированы на основании сведений о прошлых, нежели об актуальных, переживаниях, предпочтениях и схемах поведения личности.

Таким образом, понятие биографический метод используется также для обозначения инструментальной техники и источника получения информации о личностно-психологических особенностях ученого, и в качестве методики сбора данных может применяться как с целью последующей реконструкции жизненного пути, так и для решения иных задач.

Мальшева Е.М.

доктор исторических наук, профессор

Сегодняшнее заседание, безусловно, позволяет взглянуть на становление исторического знания в Адыгее, в ракурсе индивидуальной творческой деятельности историков. Понятно, что далеко не все из известных историков оказались в сфере нашего обсуждения. По-видимому, подобную историографическую практику имеет смысл продолжить. В частности, мне бы хотелось обратить внимание на жизнь и творчество Степана Николаевича Малых.

С.Н. Малых родился 10 августа 1911 г. в деревне Д. Арлык Вятской губернии в семье крестьянина. Его жизнь была типичной для революционно настроенной молодежи того периода. Став одним из первых активных участников молодежного движения — с апреля 1933 года по октябрь 1935 года он работал секретарём комитета комсомола, одновременно с августа 1933 г. исполняя обязанности председателя рабочего Комитета Малмыжской МТС машинно-тракторной станции. Биография и жизненный путь молодого человека, как и многих представителей его поколения советских людей, оказались нелегкими: ему пришлось испытать на себе издержки режима власти. В 1937 г. комсомольский лидер С.Н. Малых был исключен из рядов Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи — ВЛКСМ, и снят с работы. Позже он всё-таки был реабилитирован и восстановлен.

В 1936 г. он поступает в Одесский педагогический институт, а с 1939 года продолжает обучение на историческом факультете Краснодарского пединститута, окончить который помешала Великая Отечественная война. Так сложилась судьба, что занятие самым мирным на земле делом обучения и воспитания детей было прервано войной. В августе 1942 г., когда вооружённые части германского вермахта прорвались на Кавказ и были оккупированы районы Кубани, педагог Малых С.Н. вступает в состав бойцов партизанского отряда «Народные мстители» №1.

Уйдя в партизанский отряд «Народные мстители», он не на словах, а на деле, с оружием в руках защищал свою Советскую Родину и будущее своей Отчизны. В это тяжелое для страны время он, как тысячи советских воинов, вступает в ряды Всесоюзной Коммунистической партии большевиков — ВКП(б). Участвуя в движении Сопротивления, в борьбе с фашистскими захватчиками, он проявил бесстрашие, мужество и отвагу, заслужил награды за храбрость. В славном послужном списке С.Н. Малых — награды за боевую доблесть и добросовестный труд в тылу. Так, Медалью «За оборону Кавказа» он был награждён ещё в суровом военном 1944 г. Через год после окончания Великой Отечественной войны в 1946 г. ветерану вручают медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

После освобождения от временной нацистской оккупации Северокавказского региона, работает лектором Майкопского горкома партии, мобилизуя жителей Адыгеи на восстановительные работы. В 1947-1948 гг. становится заведующим отделом пропаганды и агитации Майкопского горкома партии. С февраля 1944 по сентябрь 1947 г. заведует парткабинетом Майкопского городского комитета ВКП (б). С 1948 по 1950 гг. работает секретарём Майкопского городского комитета партии.

С февраля 1950 г. Малых С.Н. переходит на преподавательскую работу. Теперь вся его деятельность посвящена подготовке и воспитанию молодых педагогических кадров. В 1950-1952 гг. — преподаватель истории СССР Майкопского учительского института; с 1952 по 1977гг. работал в должности доцента кафедры истории КПСС, декана филологического факультета Адыгейского государственного педагогического института. Большую учебную и общественную деятельность он всегда успешно совмещал с научно-исследовательской работой: в 1970 г. успешно защитив диссертацию, становится кандидатом исторических наук.

Студенты и сотрудники Адыгейского государственного университета до сегодняшнего дня помнят его как принципиаль-

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

ного человека, труженика, беззаветно преданного своему делу — педагогическому труду, профессионала высокого уровня, честного и ответственного добросовестного работника. Почти вся жизнь Малых С.Н. связана с нашим учебным заведением. Его заслуги в трудовой и общественной деятельности были отмечены девятью правительственными наградами, в том числе орденом Трудового Красного знамени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», знаками «Отличник высшей школы», «За отличные успехи в работе», неоднократно награждался грамотами обкома и горкома КПСС.

По прошествии многих лет, я могу с полным основанием свидетельствовать, что далеко не последнюю роль в выборе моей специализации, формирования исследовательского интереса к проблемам социальной истории периода Второй мировой и Великой Отечественной войн сыграл мой учитель, С.Н. Малых. Образ настоящего советского человека не был бессодержательным понятием в советский период истории: доброта и справедливость, твёрдость и сердечность, строгость и чуткость, взыскательность и отзывчивость самым гармоничным образом уживались в нём.

Именно таким человеком был Степан Николаевич Малых — принципиальный, честный человек с выверенной и испытанной войной гражданской позицией — настоящий коммунист, искренний борец за ясные идеалы светлого будущего, того будущего для своей страны, в которое беззаветно верил, как и многие советские граждане его поколения тружеников и романтиков.

Шхачемуков Р.М. *аспирант*

Учитывая, что в границы данного обсуждения невозможно включить всех историков, работавших по проблемам истории адыгов, мне бы хотелось ввести в их число и Эльмасхан Лювовну Коджесау. Она была первой женщиной адыгейкой защитившей кандидатскую диссертацию по историческим наукам. Вместе с Е.С. Зевакиным, М.А. Меретуковым стала основоположником этнографического направления в Адыгейском научно-исследовательском институте. Данная сфера исторического знания определила ее исследовательский интерес: большинство

работ Э.Л. Коджесау посвящено особенностям развития этнокультуры, социального устройства адыгского общества и т.д.

Э.Л. Коджесау родилась 27 июля 1927 г. в ауле Хаштук, Тахтамукайского района. В 1948 г. окончила исторический факультет Краснодарского педагогического института и аспирантуру Института этнографии АН СССР в 1954 г. В том же году под руководством заведующего сектором этнографии народов Кавказа Института этнографии АН СССР М.О. Косвена защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Семейные отношения шапсугов в прошлом и настоящем». С 1948 г. работала старшим научным сотрудником в Адыгейском научно-исследовательском институте языка, истории и литературы в секторе истории. С 1973 г. являлась старшим преподавателем, а с 1987 г. — доцентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма (с 1991 г. — кафедра политологии) Адыгейского государственного педагогического института. Э.Л. Коджесау активно участвовала в общественной жизни: была членом партии, ответственным секретарём Комитета защиты мира по Адыгейской автономной области.

Область научных интересов Э.Л. Коджесау затрагивала проблемы этнографии адыгов, влияния России на развитие культуры адыгов. В результате участия в комплексных научных экспедициях по населенным пунктам Адыгеи и Причерноморской Шапсугии⁷¹ ею был собран и обработан богатый полевой материал, раскрывавший специфику культуры адыгов. В ходе изучения поднимаемых проблем она обращалась к работам дореволюционных и советских историков, используя историографический материал для изучения проблемы в развитии.

В своих научных работах она исследовала изменения в материальной культуре адыгов в советский период, а также особенность процессов происходивших в Адыгее в период становления советской власти. Работы Э.Л. Коджесау насыщены обширным фактическим материалом, раскрывающим динамику развития адыгского аула в советский период. При этом она раскрывает особенности в топонимии адыгских аулов и принципы их расселения, отмечая недостаток археологических данных по затронутой теме. Ею приводятся точные данные по количеству дворов и общей численности аулов⁷².

⁷¹ 80 лет АРИГИ / Ред. Берсиров Б.М. — Майкоп, 2010. — С. 61.

⁷² Коджесау Э.Л. Изменения в материальной культуре адыгейцев в годы социалистического строительства // Ученые записки АНИИ. Т.4. История и этнография / Отв. ред. Аутлев М.Г. — Краснодар, 1965. — С. 83.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

В ходе изучения особенностей развития культуры адыгов в советский период Э.Л. Коджесау осмысливает проблему появления в аулах нового социалистического типа культуры, как следствие процесса социалистического строительства⁷³, подробно описывает характерные особенности социально-экономического устройства жизни адыгов в условиях новой власти, но с сожалением отмечает, что многие нововведения приводят к утрате обычаев и традиций.

В своих работах она неоднократно подчеркивала, что наиболее подробное исследование вопроса материальной культуры адыгов начинается только в годы советской власти. Ее публикации раскрывают многие стороны духовной и материальной культуры адыгов, в результате складывается достаточно полная картина состояния культуры адыгов в дореволюционный период и в советское время.

Э.Л. Коджесау является автором более 20 научных работ, большинство из которых были опубликованы на страницах Ученых записок Адыгейского научно-исследовательского института в 50-е — 70-е гг. XX в.

Подколзина Е.В. *учитель истории*

Требования современной системы образования предполагают использование исторического опыта разных народов, критического осмысления научного наследия, учета и применения всего позитивного, что накоплено предшествующей научной мыслью. Важно, что некоторые аспекты общественной и просветительской деятельности нашли свое отражение в работах современных историков Адыгеи.

Изучение педагогического наследия северокавказских народов, критическое осмысление просветительно-педагогических идей историков, этнографов, языковедов — является важной и актуальной задачей, решение которой будет способствовать более широкому использованию прогрессивного потенциала наследия в современной образовательно-воспитательной практике. Этническая культура народа формируется тысячелетиями. Происходящие перемены прослеживаются сквозь призму

⁷³ Коджесау Э.Л. Об обычаях и традициях адыгского народа // Ученые записки АНИИ. Т. 8. Этнография. — Майкоп, 1968. — С. 269.

археологических материалов, исторических документов, различных памятников изобразительного искусства.

Многие упоминавшиеся сегодня работы и исследовательские материалы используются на уроках истории Адыгеи мною и моими воспитанниками. Например, при изучении темы «*Адыгея в древности*» используются труды Аутлева Пшимафа Улагаевича: «Исследование каменного века Закубанья», «Вопросы археологии Адыгеи», «Об аланах, сираках нартского эпоса». Как уже отмечалось, археолог впервые на Северном Кавказе обнаружил костные останки неандертальца и захоронение человека верхнего палеолита. За годы работы ему удалось собрать крупнейшую коллекцию кремневых орудий. Особенно важно, что наряду с научными трудами им был опубликован ряд методических пособий в помощь учителям и брошюра по истории.

Изучение проблем социально-экономического развития народов региона невозможно без учета положений работ Буба Мосовича Джимова «Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в.», «Из истории крестьянской реформы и классовой борьбы в Адыгее в 60—70-х гг. XIX в.», «Крестьянское движение в Адыгее в XIX в.», «Социально-экономические отношения и классовая борьба на Западном Кавказе в 1887—1917 гг.», в которых профессионально исследованы вопросы социально-экономических и политических отношений в адыгском обществе в аспекте взаимодействия и взаимовлияния адыгского, русского и других народов, всестороннего сближения их, поддержания мирных и добрососедских отношений между народами.

При изучении «Материальной и духовной культуры» серьезное внимание уделяется работам Сафербия Хацуцевича Сиюхова. Являясь яркой и масштабной личностью, с именем и деятельностью которой связаны многие важнейшие процессы и явления национально-культурного строительства в Адыгее, он оставил значимый след в изучении истории, этнографии региона. С.Х. Сиюхов проявил себя не только как крупный организатор и руководитель народного образования, культуры, науки в Адыгее, но и как талантливый ученый-исследователь, автор трудов и публикаций по различным отраслям знаний и научных дисциплин, популяризатор достижений науки и культуры в широких массах населения. В ходе занятий учащиеся знакомятся с исследованиями «Русский язык в горской школе», «Черкесский букварь», «Первая тропа. Адыгейский букварь», «Всёобщее образование и черкесы», «Воспитательное значение труда».

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

В педагогической практике приходится обращаться и к монографии «Дикий животный мир. Охота у адыгов» Хутыза Кима Кансаовича, написанной на ценном историческом материале. Работа является первым научным исследованием на Юге России, посвященным возрождению и совершенствованию природоохранных традиций в современный период. Велико и практическое значение результатов исследования. Положения и выводы автора использованы в республике при разработке и реализации целевых программ и проектов по консолидации населения в решении проблем охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Изучение творчества историков Адыгеи, использование их наработок в учебном процессе свидетельствует о широких возможностях применения выводов и положений, содержащихся в работах и не потерявших свое значение и в исторических реалиях сегодняшнего дня.

Булгаков С.Ю.

старший методист

*Адыгейского республиканского института
переподготовки учителей*

Современное историко-обществоведческое образование невозможно представить без изучения локальной истории, которая в федеральных государственных образовательных стандартах получила название «национально-региональный компонент образования». Особенно значимо изучение местной истории в условиях национальных регионов России, к которым и относится наша Республика. Нельзя организовывать полноценный процесс изучения истории Адыгеи без использования научного наследия ученых, которые всю свою жизнь отдали исследованию родного края.

Преподавание истории Адыгеи невозможно свести только к прочтению и пересказу соответствующих параграфов учебника. При таком подходе у обучающихся не будут сформированы необходимые универсальные умения и навыки, а главное — история нашего региона в их сознании будет представляться неким безликим пятном, неким набором штампов и стереотипов.

Курс истории Адыгеи должен не только давать представление о том, что было раньше на территории Северо-Западного Кавказа, но и помогать участникам образовательного процесса

(т.е. — ученикам и педагогам) в освоении основных историографических и источниковедческих навыков, развивать умения проведения исследовательской работы, навыки работы с текстом (что очень важно для подготовки к ЕГЭ по истории и обществознанию), автоматизации приемов анализа и синтеза. Именно для этого и необходимо постоянное привлечение работ наших заслуженных историков в процесс изучения истории.

Включение упомянутого научного материала в учебный процесс может быть разнообразным и зависит от творческой активности педагога. Это может быть практическая работа с отрывками из научных работ (по образцу заданий С1- С3 в КИМах ЕГЭ), это может быть самостоятельное изучение этих работ учениками с их возможным конспектированием или кратким пересказом в течение 5-7 минут на уроке, использование данных, содержащихся в монографиях и научных статьях для написания докладов, сообщений, рефератов или исследовательских работ и т.п.

В то же время следует отметить и тот факт, что далеко не все учителя истории имеют возможность использовать в своей повседневной педагогической деятельности труды Сиюхова С.Х., Хуажева Р.А., Аутлева М.Г., Джимова Б.М. и других авторов, о которых сегодня идет речь. И зачастую это вызвано не низким профессионализмом педагогов, а элементарным отсутствием в школьных и сельских библиотеках работ этих ученых. Полноценно работать с этим научным наследием могут лишь учащиеся образовательных учреждений города Майкопа, которые могут воспользоваться фондами библиотек города.

В связи с этим я предлагаю рассмотреть возможность перевода творческого наследия наших ученых в электронный вид с последующим размещением в сети Интернет, либо копированием на цифровые носители. Это существенно облегчит труд учителей и будет способствовать более широкому изучению и распространению научного и идейного наследия ученых.

Джимова Н.Д.

кандидат биологических наук, доцент

Хочется поблагодарить всех участников и организаторов сегодняшних исторических чтений. Такие мероприятия помогают нам не забывать историю нашей республики, всех ученых историков и археологов, которые внесли неоспоримый вклад в развитие исторической науки Республики Адыгея. Не зная истории прошлых лет, невозможно строить будущее.

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

Проведение подобных мероприятий позволяет нашей молодежи систематизировать знания по истории, помнить и не забывать ученых Адыгеи, которые всю свою жизнь посвятили изучению истории нашей республики, которые сумели выявить основные тенденции развития нашего общества. Труд историка очень сложен и кропотлив. Прослушав доклады, еще раз восстановив в памяти жизненные пути историков Республики Адыгея, убеждаешься в том огромном труде, позволившем им успешно систематизировать и популяризировать исторические знания.

Для сегодняшней молодежи и будущих историков проведение подобных чтений предоставляет обширный опыт для дальнейшей научной работы в области истории нашего Отечества, становится наглядным богатым уроком. Я больше чем уверена, что многие студенты, которые прослушали сегодняшние доклады, заинтересованы и захотят посвятить себя науке. Хочется особенно отметить, что проведение подобных мероприятий может служить положительным опытом и для других факультетов, поскольку память об ученых — предшественниках всегда заставляет задуматься о сегодняшнем дне.

Еще раз хочется поблагодарить всех организаторов и участников конференции, сказать им большое спасибо. Надеюсь, что подобные мероприятия успешно будут проводиться и в дальнейшем.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

<i>Почешхов Н.А.</i>	3
<i>Шаханова А.В.</i>	4

ДОКЛАД

<i>Шеуджен Э.А.</i> Историки: время, творчество, память	6
---	---

СООБЩЕНИЯ

<i>Кудаева С.Г.</i> Малич Гайсович Аутлев.....	18
<i>Ловпаче Н.Г.</i> Пшимаф Улагаевич Аутлев.....	23
<i>Мальцев В.Н.</i> Буб Мосович Джимов.....	31
<i>Чамокова С.Т.</i> Мухтар Асланович Меретуков.....	41
<i>Бузаров А.К.</i> Сефер-Бей Сиюхов.....	46
<i>Почешхов Н.А.</i> Аслан Сетович Сахаумидов.....	51
<i>Тлепцок Р.А.</i> Руслан Аскарбиевич Хуажев.....	54
<i>Федосеева Л.Д.</i> Ким Кансаович Хутыз	59
<i>Шебзухова Ф.Х.</i> Нальбий Шабанович Чеучев.....	64

Выступления

<i>Потокова Э.А.</i>	72
<i>Мальшева Е.М.</i>	75
<i>Шхачемуков Р.М.</i>	77
<i>Подколзина Е.В.</i>	79
<i>Булгаков С.Ю.</i>	81
<i>Джимова Н.Д.</i>	82

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Почешхов Нурбий Асланович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории, декан исторического факультета Адыгейского государственного университета

Шаханова Ангелина Владимировна — доктор биологических наук, профессор, проректор по научной работе Адыгейского государственного университета

Шеуджен Эмилия Любовна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Кудаева Светлана Григорьевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории государства и права Майкопского государственного технологического университета

Ловпаче Нурбий Газизович — кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Мальцев Валерий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Чамокова Сусанна Туркубиевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Майкопского государственного технологического университета

Бузаров Азамат Кимович — старший научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Тлепцок Руслан Асланович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Федосеева Лариса Дмитриевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Шебзухова Фатима Хаджипаговна — кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Потокова Элеонора Аскарбиевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии Адыгейского государственного университета

Мальшева Елена Михайловна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Шхачемуков Рустам Махмудович — аспирант кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета

Подколзина Елена Викторовна — учитель истории МБОУ СОШ №4 ст. Гиагинская

Булгаков Сергей Юрьевич — старший методист, заведующий учебно-методическим кабинетом общественных дисциплин Адыгейского республиканского института повышения квалификации

Джимова Нина Давлетчериевна — кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии Адыгейского государственного университета

Историки Адыгеи: штрихи к коллективному портрету

ИСТОРИКИ АДЫГЕИ: ШТРИХИ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОРТРЕТУ

Исторические чтения
28 марта 2012 г.

Подписано в печать 22.10.2012. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ.л. 5,5.
Тираж 200 экз. Заказ №51.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Солодовников А.Н.,
г.Краснодар, ИНН 0105020396
Телефон: 8-961-522-32-33. E-mail: andre-sol@mail.ru

